

№2(49)
2022

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

- С. К. Буряков** (Омская академия МВД России)
Г. В. Короткова (Отдел организации дознания УМВД России по Омской области)
С. В. Марковиченко (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области)
Т. М. Мартыненко (Следственное управление УМВД России по Омской области)
К. В. Храпцов (Арбитражный суд Омской области)
В. А. Шевченко (Прокуратура Омской области)

Редакционная коллегия:

- А. М. Баранов** (Омская академия МВД России)
О. И. Бекетов (Омская академия МВД России)
В. Н. Борков (Омская академия МВД России)
М. М. Горшков (Омская академия МВД России)
В. А. Гусев — главный редактор (Омская академия МВД России)
А. С. Дежнев (Омская академия МВД России)
В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)
В. Ф. Луговик (Омская академия МВД России)
Я. М. Мазунин (Омская академия МВД России)
А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)
А. В. Павлов — заместитель главного редактора (Омская академия МВД России)
Л. А. Пупышева — ответственный секретарь (Омская академия МВД России)

Редактор	О. В. Арефьева
Корректор	Л. И. Замулло
Технический редактор	П. В. Ярославцева
Перевод на английский язык	Ю. И. Алферова
Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97	

Выход в свет 25.12.2022. Тираж 140 экз.
Уч.-изд. л. 7,5. Усл. печ. л. 7,9. Заказ № 326.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2022

В НОМЕРЕ

Гусев В. А. От главного редактора. 3

Административное право и административный процесс

Гоман О. С., Сургутсков В. И. Особенности юридического состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.10 КоАП РФ, и порядок действий сотрудников полиции по его пресечению и документированию 5

Уголовное право

Карпов К. Н. Сроки исполнения штрафа как средство достижения целей наказания 10

Производство по уголовному делу

Диваев А. Б., Романовский М. Э. Некоторые вопросы установления судами предмета доказывания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. 14

Дикарев И. С. Составление приговора по уголовному делу: проблемы законодательной регламентации. 18

Криминалистика

Грибунов О. П., Мандарханова Л. М. Доказательственное значение судебных экспертиз по делам о дорожно-транспортных преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ 21

Кузнецов А. А., Мерлаков Д. С. Действия следователя при поступлении сообщения о хищении, совершаемом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 26

Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. О тактике допроса лица, привлекаемого для опознания в качестве опознающего. 30

Оперативно-розыскная деятельность

Десятов М. С. Правоприменительное усмотрение в оперативно-розыскной деятельности: подходы к определению понятия и содержания. 34

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

Николюк В. В., Пупышева Л. А. Проблемы осуществления правосудия на стадии исполнения приговора в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации о праве осужденного на судебную защиту 39

Пупышева Л. А. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как обстоятельство, подлежащее доказыванию, в производстве по делам об исполнении приговора 48

Крылов А. А. Случаи обязательного участия защитника
в производстве по рассмотрению и разрешению
вопросов, связанных с исполнением приговора 52

Межотраслевые исследования

Борков В. Н., Куянова А. В. Об алгоритме действий
уполномоченных лиц в ситуациях
обоснованного подозрения несовершеннолетнего
в употреблении наркотиков 55

В помощь изучающим уголовный процесс

Кальницкий В. В. Сущность задержания подозреваемого
сквозь призму разъяснений Верховного Суда
Российской Федерации об уголовной ответственности
за заведомо незаконное задержание 59

Сведения об авторах 64

Abstracts and Key Words 65

Информация для авторов 68

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной номер журнала «Законодательство и практика», который выходит в конце календарного года. Уходящий 2022 год был насыщен событиями не только в мировой политике, но и в правовой жизни нашего государства, которые еще только предстоит осмыслить научному сообществу и правоприменителю. Но на некоторые из них мы постарались отреагировать уже сейчас.

Так, 28 июня 2022 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20, посвященное вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия. Профессором Владимиром Васильевичем Кальницким, статью которого, я уверен, вы с интересом и пользой для себя прочтете, сквозь призму указанных разъяснений высшей судебной инстанции рассмотрена сущность задержания подозреваемого

По данным МВД России, за последние годы наркотизации подвергаются все больше детей и подростков, поэтому вопросы профилактики наркомании среди несовершеннолетних приобретают особую значимость. В рубрике «Межотраслевые исследования» опубликована статья Виктора Николаевича Боркова и Арины Викторовны Куяновой, в которой авторы пошагово описали алгоритм действий уполномоченных лиц в ситуациях обоснованного подозрения в употреблении наркотиков подростками, не достигших 18-летнего возраста.

С 29 ноября по 1 декабря 2022 г. в Государственном Кремлевском Дворце проходил X Всероссийский съезд судей, определивший вектор развития судебной системы на ближайшие четыре года. Председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Михайлович Лебедев в своем выступлении отметил, что Верховным Судом реализуются меры, направленные на дифференциацию преступлений и индивидуализацию уголовных наказаний. Достижение положительных результатов государственной политики в этом направлении напрямую связано с эффективностью осуществления правосудия в сфере исполнения приговоров. Хотел бы обратить внимание читателей на то, что производству по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, посвящена отдельная рубрика в журнале. В данном выпуске в нее включено три материала, в которых исследованы некоторые аспекты производства процесса доказывания по делам о замене наказания, условно-досрочном освобождении, а также реализации права осужденного на защиту в этих судебно-исполнительных производствах.

Нельзя не сказать о том, что данное научное направление привлекает особое внимание представителей судебного корпуса, которые также являются нашей целевой аудиторией и постоянными авторами журнала.

22 июня 2022 г. в диссертационном совете Омской академии МВД России доцентом кафедры уголовного процесса Любовью Андреевной Пупышевой была успешно защищена докторская диссертация на тему «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса». Научным консультантом по работе выступил Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Вячеслав Владимирович Николук — большой друг Омской академии МВД России, по инициативе и при непосредственном участии которого был создан научно-практический журнал «Законодательство и практика». Для очередного номера, который сейчас находится в руках читателя, соискатель и ее научный консультант подготовили объемную статью, посвященную проблемам осуществления правосудия в ходе исполнения приговора, которая будет полезна и ученым, и обучающимся, и достаточно широкому кругу правоприменителей — судьям, прокурорам, сотрудникам учреждений и органов, исполняющих наказание, адвокатам.

Учитывая, что в сфере уголовной юстиции государством взят курс на расширение мер государственного принуждения, не связанных с изоляцией от общества, и, как следствие, снижение количества осужденных к лишению свободы, число случаев назначения уголовного наказания в виде штрафа устойчиво увеличивается. Отдельные аспекты эффективности последнего оценил Кирилл Николаевич Карпов.

Достижения научно-технического прогресса, к сожалению, используются не только во благо человека, общества и государства. Совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий стали приметой настоящего времени, а исследования, посвященные методике их расследования, приобретают особую значимость. В номере вы найдете статью Александра Александровича Кузнецова и Данилы Сергеевича Мерлакова о деятельности следователя при поступлении сообщений о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

С конца 2018 г. в России реализуется Национальный проект «Безопасные качественные дороги». Несмотря на это, по данным Госавтоинспекции, за 6 месяцев 2022 г. в России произошло 53,5 тыс. автомобильных аварий с пострадавшими и погибшими. Жизни в них лишились 5,6 тыс. человек. Российский законодатель идет по пути ужесточения ответственности за нарушения правил дорожного движения, повлекшие тяжкие последствия, прежде всего, смерть. О доказательственном значении судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений читайте в статье

Олега Павловича Грибунова и Людмилы Михайловны Мандархановой.

В заключение хотел бы отметить, что наше периодическое издание не стоит на месте: расширяется география авторов, круг их научных интересов.

В журнале вы найдете статьи не только известных ученых, докторов наук, но и правоприменителей.

Желаю в 2023 году всем читателям и авторам журнала здоровья, благополучия и творческого вдохновения!

*Доктор юридических наук, профессор
Владимир Александрович Гусев*

Особенности юридического состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.10 КоАП РФ, и порядок действий сотрудников полиции по его пресечению и документированию

Исследуются правовые основания привлечения к административной ответственности за незаконный оборот гражданского оружия. На основе правоприменительной практики разработаны рекомендации, определяющие порядок действий сотрудников полиции по пресечению и документированию административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.10 КоАП РФ.

Ключевые слова: гражданское оружие, полиция, Росгвардия, административная ответственность, производство по делам об административных правонарушениях, незаконный оборот оружия

В июле 2021 г. вступила в силу новая редакция статьи 20.10 КоАП РФ «Незаконные изготовление, приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка, транспортирование, ношение или использование оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к оружию»¹, однако практика реализации указанной нормы в каждом конкретном субъекте РФ отличается. Поэтому формирование правильного и единообразного ее применения по делам об административных правонарушениях в сфере оборота гражданского оружия является важным фактором для укрепления законности и защиты прав граждан.

Во-первых, необходимо разобраться с понятием «незаконный оборот оружия». Российская юридическая наука различает законный и незаконный оборот оружия. Законный оборот оружия подразумевает легальные способы приобретения, хранения, ношения, изготовления, передачи, сбыта, перевозки, ремонта, уничтожения, применения оружия под контролем лицензирующих и иных правоохранительных органов.

В соответствии с п. 3 примечания к ст. 20.10 КоАП РФ под незаконными изготовлением, приобретением, продажей, передачей, хранением, транспортированием, перевозкой, ношением или использованием оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к оружию понимаются:

1) действия, совершение которых законодательством Российской Федерации не предусмотрено либо запрещено;

2) действия, для совершения которых требуется специальное разрешение (лицензия), если такое разрешение (лицензия) в установленном законодательством порядке виновному лицу предоставлено не было;

3) действия, которые были совершены по разрешению (лицензии), если действие предоставленного разрешения (лицензии) прекращено и лицо было об этом уведомлено любым способом, позволяющим подтвердить факт получения уведомления.

Следует учесть, что несколько иначе определяет незаконность оборота оружия постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5. Однако данную терминологию необходимо применять только в случае совершения преступления в сфере оборота оружия.

Во-вторых, для правильной квалификации необходимо разграничить юридический состав ст. 20.10 КоАП РФ «Незаконные изготовление, приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка, транспортирование, ношение или использование оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к оружию» и состав, предусмотренный ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов». Для исключения ошибок следует правильно определить вид и тип оружия. Виды оружия перечисляются в ст. 2 Федерального закона «Об оружии» (далее — ФЗ «Об оружии»)², типы — в ст. 3 указанного закона.

Предметом административного правонарушения являются все виды оружия, основные части огнестрельного оружия и патроны к оружию, если производимые с ними действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Следует также помнить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 разъясняется, что при рассмотрении дел о нарушениях правил оборота оружия и боеприпасов необходимо иметь в виду, что неправомерные действия лица могут содержать одновременно признаки состава как административного правонарушения, так и преступления. При этом в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия или боеприпасов к нему, их продажи и т. п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности.

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 232-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оружии : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ.

Следует обратить внимание на пункт первый примечания к ст. 20.10 КоАП РФ, в котором говорится о том, что лицо, добровольно сдавшее оружие, основные части огнестрельного оружия и патроны к нему, освобождается от административной ответственности за правонарушение, предусмотренное указанной статьей. Данное положение отсылает нас к ст. 22 ФЗ «Об оружии», которая содержит ограничения на хранение оружия: «Юридическим лицам и гражданам запрещаются хранение и использование найденного ими или переданного им огнестрельного оружия, собственниками которого они не являются, а также оружия, права на приобретение которого они не имеют в соответствии с настоящим Федеральным законом... Такое оружие подлежит немедленной сдаче в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия, или его территориальный орган либо в органы внутренних дел». Таким образом, оружие должно быть сдано в кратчайший срок, как только появились обстоятельства, указанные в законе.

Не может признаваться добровольной сдачей оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к нему их изъятие при задержании лица, а также при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении по их обнаружению и изъятию.

Проведем анализ юридического состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.10 КоАП РФ. Объектом правонарушения являются общественный порядок и общественная безопасность.

Объективная сторона административного правонарушения выражена деянием в форме незаконного действия по изготовлению, приобретению, продаже, передаче, хранению, перевозке, транспортированию, ношению, использованию оружия.

При анализе объективной стороны правонарушения необходимо обратить внимание на требования, установленные Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденными постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814, которые раскрывают содержание перечисленных в диспозиции статьи элементов незаконного оборота оружия, а также законный порядок его оборота.

Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 20.10 КоАП РФ, следует отличать от правонарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 20.8 и ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, которые содержат специальные составы.

Непосредственным объектом посягательства по ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ будет установленный срок продления разрешения, закрепленный в п. 67 Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной

приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288. Именно подача заявления о продлении разрешения с нарушением установленного срока (т. е. менее месяца до окончания срока действия разрешения) послужит основанием для привлечения физического лица к административной ответственности. Отсутствие поданного в установленные сроки заявления о продлении разрешения может свидетельствовать о том, что владелец оружия не планирует далее осуществлять его хранение и ношение. Например, гражданин до истечения срока действия разрешения принял решение о дарении или продаже оружия либо о сдаче оружия на уничтожение в связи с его неисправностью, а также по иным причинам. Таким образом, объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, образуют действия, выразившиеся в подаче заявления о продлении разрешения с нарушением установленного периода, в течение которого указанная обязанность должна быть выполнена владельцем оружия. С этого момента будут исчисляться сроки давности привлечения к административной ответственности. Исходя из требований Административного регламента, утвержденного приказом Росгвардии от 26 июня 2018 г. № 221, несмотря на привлечение к административной ответственности (в случае отсутствия обстоятельств, исключающих владение оружием), разрешение будет продлено с даты, следующей за датой окончания продлеваемого разрешения, что, в свою очередь, устранил ситуацию, когда оружие станет храниться без соответствующего документа, подтверждающего право на оборот оружия.

Поскольку для правильной квалификации рассматриваемого правонарушения необходимо располагать информацией о подаче заявления на продление или выдачу разрешения на хранение или хранение и ношение (или иного разрешения), а указанная информация находится исключительно в распоряжении подразделений Росгвардии, полномочий по составлению протоколов и принятию решений по ст. 20.11 КоАП РФ у подразделений полиции нет.

Наиболее спорный вопрос связан с разграничением квалификации административных правонарушений по ч. 4 ст. 20.8 и ст. 20.10 КоАП РФ.

Например, рассмотрим ситуацию, когда гражданин, который владел оружием на законных основаниях и имел действующее разрешение на хранение и ношение оружия, продал данное оружие по договору купли-продажи жителю Магадана. Последний, в свою очередь, заблаговременно получил по месту жительства лицензию на приобретение оружия. Самостоятельно оформив сделку, граждане собственноручно внесли записи в корешки лицензии на приобретение оружия, и приобретатель с оружием благополучно убыл в город по месту своего проживания. В данной ситуации гражданам предоставлено право продавать оружие только после его перерегистрации в подраз-

делениях Росгвардии. Таким образом, в описанной ситуации имели место незаконные продажа и приобретение оружия. Указанные действия подлежат квалификации по ст. 20.10 КоАП РФ, несмотря на то что оружие состояло на учете в подразделениях лицензионно-разрешительной работы и владелец имел действующее разрешение на хранение и ношение оружия, а приобретатель — лицензию на приобретение оружия.

Правильность квалификации правонарушений определяют незаконные действия по продаже, приобретению, хранению, перевозке или ношению, т. е. следует в каждом случае выяснять, выдано ли уполномоченным органом разрешение на определенные действия с оружием. Когда такого разрешения нет или срок на реализацию этих действий истек, они должны быть признаны незаконными.

Еще одна ситуация, когда гражданин осуществляет ношение гражданского гладкоствольного оружия на основании разрешения на хранение и ношение с нарушением установленных правил (например, с патроном в патроннике), его действия подлежат квалификации по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ. Само ношение законно, но нарушены определенные правила ношения.

Однако если гражданину выдано разрешение на хранение оружия без права ношения, а он осуществляет это ношение (например, во время охоты) при действующем разрешении, его действия должны быть квалифицированы по ст. 20.10 КоАП РФ.

В подобных случаях в процессе юридической квалификации необходимо принимать во внимание, на какие действия и на какой период лицензирующий орган выдал разрешение.

Основная цель такой квалификации состоит не только в выяснении предмета правонарушения (легальное оружие или находится в незаконном обороте), а в определении законности совершаемых действий: имеет ли владелец оружия на данный момент законное (предоставленное уполномоченными органами) право на хранение, ношение, продажу, приобретение, передачу и т. д. конкретной единицы оружия.

Аналогичный анализ должен проводиться и в ситуации с хранением оружия. Если срок действия разрешения на хранение или хранение и ношение оружия истек, гражданин теряет право хранить это оружие, т. е., продолжая эти действия, он поступает незаконно.

Таким образом, если субъекту предоставлено право на изготовление, приобретение, продажу, передачу, хранение, перевозку, транспортирование, ношение или использование оружия, но при осуществлении указанных действий лицо допускает нарушение правил, установленных нормативными правовыми актами, данные действия должны быть квалифицированы по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ, в противном случае, если само право на указанные действия отсутствует,

правонарушение должно быть квалифицировано по ст. 20.10 КоАП РФ.

Субъектом правонарушения могут быть граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства, а также должностные и юридические лица.

С субъективной стороны вина гражданина либо должностного лица характеризуется умышленной формой (ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ). Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

Вина юридического лица определяется в соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ.

Сотрудники полиции имеют право возбуждать производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.10 КоАП РФ. Наиболее часто данные полномочия реализуют должностные лица службы участковых уполномоченных полиции, подразделений ГИБДД и подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.10 КоАП РФ, находится в исключительной компетенции мировых судей (ч. 1 и абз. 6 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ).

При выявлении признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.10 КоАП РФ, сотрудник полиции обязан:

1. Немедленно потребовать прекращения противоправного поведения.
2. Проверить документы, удостоверяющие личность правонарушителя, а также документы (лицензия, разрешение), позволяющие осуществлять то или иное действие с оружием.
3. Зафиксировать выявленные в них сведения.
4. Установить наличие свидетелей:
 - записать данные свидетелей;
 - разъяснить их права и обязанности в соответствии с действующим законодательством.
5. Определить обстоятельства, подлежащие установлению по делу:
 - наличие события административного правонарушения;
 - лицо, совершившее противоправные действия. При этом у лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, необходимо отобрать объяснение по существу нарушения, предварительно разъяснив его права и обязанности, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ и ст. 51 Конституции РФ;
 - виновность лица в совершении административного правонарушения;
 - обстоятельства, исключаящие производство по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 24.5 КоАП РФ;

— иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.

6. Определить необходимость применения мер обеспечения производства по делу (например, изъятие, доставление, административное задержание, допрос). Данные действия в неотложных случаях могут быть реализованы после пункта 2 предложенного алгоритма. Оформить процессуальные документы в соответствии с главой 27 КоАП РФ. Типовая форма протокола изъятия оружия утверждена приказом Росгвардии от 14 января 2020 г. № 8.

7. Составить протокол об административном правонарушении в соответствии с требованиями статьи 28.2 КоАП РФ.

8. Оформить дело об административном правонарушении (осуществляет сотрудник, ведущий по нему производство).

В дело помещаются документы и материалы, имеющие значение и являющиеся доказательством непосредственно по данному делу в соответствии с гл. 26 КоАП РФ. Материалы в деле располагаются в хронологическом порядке. Следует обратить внимание на то, что к материалам дела кроме основных документов (копия паспорта правонарушителя, разрешительные документы на оборот оружия и т. д.) приобщаются:

— справка, содержащая информацию о привлечении правонарушителя к административной ответственности или об отсутствии данного факта. Информация устанавливается путем направления запроса в информационный центр органа внутренних дел;

— справка о законности (незаконности) владения (пользования, распоряжения) оружием. Справка формируется с использованием доступа к банку данных о лицах, владеющих оружием³;

— корешок квитанции на принятие изъятых оружия, выданной дежурной частью территориального органа внутренних дел. Приобщение указанного документа является обязательным, так как санкция статьи предусматривает в качестве дополнительного наказания конфискацию оружия;

— расписка о согласии на информирование о подготовке к судебному заседанию с помощью СМС-уведомлений. Указанный документ оформляется в том случае, если рассмотрение дела об административном правонарушении планируется не в день составления протокола о совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.10 КоАП РФ. В данной части необходимо следовать об-

стоятельствам, а также с учетом практики применения ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ на каждой конкретной территории.

8.1. Оформление дела предусматривает:

- подшивку или переплет дела;
- сквозную нумерацию листов;
- составление внутренней описи.

Реквизиты обложки дела должны содержать:

- наименование подразделения;
- учетный номер дела;
- данные лица, в отношении которого возбуждено дело;

— пункты, части и номера статей КоАП РФ, по признакам нарушения которого возбуждено дело;

— дату возбуждения дела и дату окончания производства по делу;

— фамилию и инициалы лица, осуществившего производство по делу.

8.2. Документы и материалы, приобщаемые к делу, представляются лицами, участвующими в деле, в подлинниках или в форме надлежащим образом заверенной копии.

Копия документа является надлежащим образом заверенной в случае надлежащего оформления. Отметка о заверении копии проставляется под реквизитом «подпись» и включает: слово «Верно»; наименование должности лица, заверившего копию; его собственноручную подпись; расшифровку подписи (инициалы, фамилию); дату заверения⁴.

8.3. Дела регистрируются в Журнале учета производств по делу об административных правонарушениях незамедлительно либо в возможно короткий срок.

8.4. Поскольку у должностного лица органа внутренних дел отсутствуют полномочия по рассмотрению дела в соответствии со ст. 23.3 КоАП РФ, выносится определение о передаче дела по подведомственности, установленной главой 23 КоАП РФ. Дела с определением о передаче по подведомственности направляются для рассмотрения с сопроводительным письмом, зарегистрированным в подразделении делопроизводства. При этом в подразделении обязательно должны остаться: копия протокола об административном правонарушении, копия определения о передаче по подведомственности, сопроводительное письмо с отметкой суда о принятии.

8.5. Хранение дел осуществляется таким образом, чтобы исключить возможность несанкционированного доступа к материалам посторонних лиц.

8.6. Дела могут быть предоставлены для ознакомления с момента возбуждения до момента окончания производства по делу только лицам, участвующим в деле (ст. ст. 25.1–25.5, 25.11 КоАП РФ). Ознакомле-

³ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ч. 3.1 ст. 17) ; Об утверждении порядка предоставления полиции доступа к банкам данных о лицах, получивших удостоверение частного охранника, частного детектива, и лицах, владеющих оружием : приказ Росгвардии и МВД России от 26 июня 2017 г. № 188/417.

⁴ ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечно-му и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов : утв. приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 г. № 2004-ст (п. 5.26).

ние с материалами дела допускается только в помещении подразделения с обязательным присутствием сотрудника указанного подразделения.

В завершение отметим, что проблема безопасного оборота гражданского оружия в России в последние

годы вызывает озабоченность у граждан. Очевидно, что нарушение правил оборота оружия, его незаконный оборот — это риски, которые могут быть сопряжены с гибелью людей, причинением имущественного ущерба.

УДК 343.8

К. Н. КАРПОВ

Сроки исполнения штрафа как средство достижения целей наказания

Особенность уголовного наказания в виде штрафа, предполагающий осуществление выплаты суммы штрафа осужденным самостоятельно, обуславливает и особый порядок определения сроков исполнения данного наказания. Анализ норм уголовного, уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует об отсутствии устоявшегося механизма исполнения наказания в виде штрафа в случаях принудительного исполнения либо уклонения лица от его исполнения. В сочетании с положениями ст. 83 УК РФ такой порядок может приводить к прекращению принудительного взыскания штрафа и освобождению от наказания лиц, которые фактически не исполняли наказание.

Ключевые слова: сроки исполнения приговора, штраф, сроки давности, освобождение от наказания, исполнительное производство

Достижение целей уголовного наказания (ст. 43 УК РФ) при назначении штрафа в теории уголовного права достаточно длительное время является камнем преткновения для ученых и практикующих юристов. Часто штраф отождествляют со способом «откупа» от уголовного правосудия и, как следствие, указывают на недостижение восстановления социальной справедливости (особенно в случае назначения небольших по размеру штрафов), отсутствие механизмов исправления осужденного, который практически не подлежит воспитательному воздействию со стороны органов, исполняющих наказание, и спорность предупредительного эффекта [1, с. 70–75; 2, с. 135–141; 3, с. 75–78; 4, с. 148–152]. Указанные «претензии», помимо прочего, усиливаются в контексте исполнения штрафа в принудительном порядке, когда лицо уклоняется от исполнения наказания. В то же время предписания ст. ст. 46, 83 УК РФ, позволяющие освобождать лицо от наказания, в сочетании с положениями ст. ст. 31, 32 УИК РФ и Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹ (далее — ФЗ «Об исполнительном производстве») содержат неопределенность в части признания лица злостно уклоняющимся от наказания, приостановления сроков давности и их возобновления. В своей совокупности это приводит к крайне низким показателям эффективности штрафа как вида уголовного наказания.

Наказание в виде штрафа является одним из наиболее распространенных в России. Ежегодно штраф за совершение преступлений назначается в более чем 90 тыс. случаев² (порядка 12% из числа всех назначаемых наказаний³) и находится на втором месте после

лишения свободы.

В то же время самостоятельно штраф исполняется только в 3–4% случаев⁴. Ежегодно завершается исполнением (в том числе в принудительном порядке) лишь 30% от всех назначенных штрафов (примерно 12% от всей суммы в денежном выражении)⁵. Соответственно около 70% всех приговоров остаются неисполненными (в части взыскания суммы штрафа). Указанное свидетельствует о том, что идея неизбежности наказания (самого мягкого среди возможных) фактически не реализуется, а цель восстановления социальной справедливости остается очевидно недостигнутой [5, с. 68–72].

За 2021 г. в производстве судебных приставов находилось 128 тыс. дел о взыскании штрафов за совершение преступлений. Из них исполнено около 41 тыс., по 15 тыс. предоставлялась отсрочка или рассрочка. Еще по 20 тыс. дел в суд были направлены представления о замене штрафа другим видом наказания, и только примерно в 5 тыс. случаев суд указанные ходатайства удовлетворил⁶. Таким образом, из 75 тыс. неисполненных судебных приговоров только 6% получают статус злостно уклоняющегося лица с соответствующей заменой наказания. В отношении оставшихся 69 тыс. лиц, не исполнивших приговор суда, сроки давности продолжают исчисляться, а по их прошествии взыскание становится невозможным, лицо освобождается от наказания и в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ считается в дальнейшем несудимым.

Принудительное исполнение наказания в виде штрафа, по смыслу ст. ст. 32 и 46 УК РФ, должно было

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Представлено среднее количество наказаний в виде штрафа, назначенных в качестве основного и дополнительного наказания за период 2015–2021 гг. (Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.11.2022)).

³ Средний показатель назначения наказания в виде штрафа за 2015–2020 гг. (Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010–2021 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.11.2022)).

⁴ Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз (за 2015–2020 гг.). URL: <http://www.cdep.ru/%20index.php?id=79> (дата обращения: 10.10.2022)).

⁵ Указаны сведения за 2020 г. (Сведения об исполнении исполнительных документов о взыскании штрафов, назначенных в качестве наказания за совершение преступления. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 10.01.2022)).

⁶ Сведения о взыскании ФССП России денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 30.11.2022).

бы являться исключительной процедурой, потребность в которой должна возникать в случае дополнения штрафа к основному виду наказания (как правило, лишению свободы). Однако вышеприведенные статистические данные свидетельствуют о том, что штраф в большей части исполняется именно принудительно, в порядке, предусмотренном ФЗ «Об исполнительном производстве». Соответственно, срок данной процедуры должен быть согласован с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством (ст. ст. 15 и 83 УК РФ). В то же время изменения, произошедшие в ст. 15 УК РФ в соответствии с Федеральным законом № 146-ФЗ⁷, не были учтены в ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», что приводит к юридической невозможности в некоторых случаях исполнять данный вид наказания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 103 данного закона исполнительный лист может быть предъявлен к исполнению после вступления приговора в законную силу в течение двух лет при осуждении за преступление, за совершение которого УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не более трех лет. При этом в ст. 83 УК РФ сроки давности определяются исходя из категории преступления (ст. 15 УК РФ), а освобождение лица от наказания происходит, если после провозглашения приговора последний не был приведен в исполнение в течении 2, 6, 10, 15 лет (в зависимости от категории преступления) и только при отсутствии злостного уклонения от отбытия наказания со стороны осужденного.

В то же время предусмотренные на сегодняшний день в пп. 3–5 ч. 2 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве» сроки по-прежнему основаны на ранее существовавшей классификации преступлений (ст. 15 УК РФ). Так, преступления, совершенные по неосторожности, за которые максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает 10 лет лишения свободы, в соответствии со ст. 15 относятся к категории тяжких, и срок давности по таким преступлениям (п. «в» ч. 1 ст. 83 УК РФ) составляет 10 лет. При этом п. 2 ч. 1 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве» предполагает возможность приведения в исполнение данного вида наказания только в течение 6 лет. Такое противоречие скорее всего возникло в результате технической несогласованности на этапе разработки и принятия соответствующих поправок в законодательство. Однако очевидно, что исполнение приговора в полном объеме из-за противоречия в указанных нормативных правовых актах становится невозможным.

Принципиальное значение сроков исполнения наказания в виде штрафа связано именно с принудительным характером взыскания, который имеет временные ограничения, предусмотренные ст. 103

ФЗ «Об исполнительном производстве», а также ст. 83 УК РФ, устанавливающей возможность освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда. Принудительность денежного взыскания в сочетании с указанными нормами часто приводит к необоснованному сокращению сроков исполнения наказания в виде штрафа и уклонению лица от назначенного имущественного взыскания.

Представляет интерес тот факт, что в отдельных случаях суды при принятии решения о применении положений ст. 83 УК РФ руководствуются именно целями уголовного наказания. Так, суд, даже при отсутствии процедуры замены наказания (лицу, признанному злостно уклоняющимся от исполнения штрафа), принял решение о наличии в действиях лица рецидива преступлений и указал следующее: «Исходя из ст. 32 УИК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в данном случае имело место уклонение от отбывания наказания в виде штрафа со стороны осужденного Ш., в связи с чем отсутствуют основания для применения ч. 1 ст. 83 УК РФ. Иное бы означало при изложенных обстоятельствах недостижение целей наказания, назначенного судом, исключительными полномочиями которого, согласно Конституции Российской Федерации и УПК РФ, являются осуществление правосудия и назначение за преступление наказания, целями которого в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Согласно же ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения»⁸.

В то же время часто суды исходят из того, что статус «злостно уклоняющегося» должен быть процессуально подтвержден в рамках соответствующего разбирательства. Отсутствие такого решения рассматривают в качестве препятствия, не позволяющего приостанавливать сроки, предусмотренные ст. 83 УК РФ. Например, Свердловский областной суд, принимая решение об отсутствии у лица судимости, в апелляционном определении указал, что «согласно представленным в материалах дела документам, наказание в виде штрафа не исполнено, решение о замене штрафа иным видом наказания в связи со злостным уклонением осужденного от его отбывания не принималось»⁹. В таком случае, по мнению суда, основания для приостановления указанного срока, установленного чч. 2 и 2¹ ст. 83 УК РФ, отсутствовали. При этом истечение сроков давности обвинительного приговора, как указал суд,

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ.

⁸ Приговор Дигорского районного суда Республики Северная Осетия-Алания № 1-19/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-19/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.11.2022).

⁹ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 22 мая 2020 г. № 22-1892/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.11.2022).

не зависит ни от наличия исполнительного производства, ни от стадии исполнения приговора, если на момент истечения двухлетнего срока давности приговор в исполнение фактически приведен не был, поэтому осужденный подлежал освобождению от отбывания наказания по указанному приговору.

В подобных случаях, на наш взгляд, такие юридически значимые признаки, как «приведение приговора в исполнение» (ст. 83 УК РФ), «предъявление к исполнению исполнительного листа» (ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве») и «прекращение исполнительного производства» (ст. 43 ФЗ «Об исполнительном производстве») используются не совсем точно. Это связано с особенностями содержания наказания в виде штрафа, который имеет характер денежного взыскания, а не ограничения имущественных прав на определенный промежуток времени. Однако на сегодняшний день исчисление сроков давности, предусмотренных ст. 83 УК РФ, в случае фактического приведения приговора в исполнение, но при отсутствии его реального исполнения позволяет говорить о срочном характере данного вида наказания. Таким образом, штраф как денежное взыскание, по сути, превращается в срочный вид наказания, в рамках которого лицо пребывает в статусе должника определенный период (указанный в ст. 83 УК РФ), после чего все денежные требования в отношении него автоматически прекращаются. В случае с наказанием в виде штрафа существующее толкование положений ст. 83 УК РФ не позволяет его исполнять более двух лет, если оно назначено за совершение преступления небольшой тяжести. При этом наказание в виде лишения свободы, назначенное на срок до трех лет (за совершение преступления небольшой тяжести), по-прежнему должно будет исполняться.

Аналогичные процедуры исполнительного производства в отношении других видов денежных (имущественных) взысканий (согласно ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве») в качестве условия окончания исполнения рассматривают именно фактическое исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе (как добровольно, так и принудительно) [6, с. 45–48]. При этом двухгодичный срок давности приведения приговора в исполнение в ряду этих оснований не предполагает завершения процедуры принудительного взыскания, а соответственно, не должен распространяться на случаи исполнения штрафа.

Так, С. М. Будзинский, анализируя институт давности в уголовном праве, указывал, что «наказательная давность не должна простирается на денежную пеню, ибо она может быть взыскана с имени преступника в его отсутствие. Ибо наказательная давность есть собственно давность исполнения» [1, с. 297].

Исключительность наказания в виде штрафа состоит в том, что он исполняется путем самостоятельной выплаты самим осужденным. Таким образом, применение к нему на общих основаниях положения ст. 83 УК РФ, на наш взгляд, является не вполне адекватной мерой. Учитывая, что данный вид наказания наименее репрессивен и не предполагает внешнего принудительного ограничения каких бы то ни было прав и свобод лица, считаем, что признание лица уклоняющимся от исполнения штрафа должно происходить в соответствии с положениями ст. 32 УИК РФ и влечь за собой приостановление исчисления сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ).

Комплексное толкование ст. 32 УИК РФ и ч. 2 ст. 83 УК РФ предполагает признание уклоняющимся от отбывания наказания любого осужденного, не выплатившего своевременно наказание в виде штрафа.

Каких-либо исключительных либо уважительных обстоятельств по данному поводу УИК РФ не предусматривает. В то же время фактически суды учитывают реальные причины неуплаты [7, с. 63–66]. Так, суд при решении вопроса о наличии рецидива в действиях лица указал, что «в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф без рассрочки в течение 60 календарных дней со дня вступления приговора в законную силу. По смыслу закона, установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок, для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа не требуется. Однако при рассмотрении вопроса о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, другим видом наказания суду необходимо проверять доводы о том, что осужденный не уклонялся от уплаты штрафа, а не уплатил его в срок по уважительным причинам»¹⁰.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении применительно к исполнению судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера указывает следующее: «С учетом положений части 2 статьи 104⁴ УК РФ лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76² УК РФ, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин. К такого рода уважительным причинам относятся: появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица)»¹¹.

¹⁰ Приговор Дигорского районного суда Республики Северная Осетия-Алания от 30 июля 2020 г. по делу № 1-19/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.11.2022).

¹¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», решая вопрос об освобождении от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в соответствии со ст. 83 УК РФ, суд проверяет, не уклонялся ли осужденный от отбывания наказания. Осужденный может быть освобожден от наказания лишь в том случае, если приговор не был исполнен по независящим от него причинам.

В то же время Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» указал: «С учетом того, что течение сроков давности обвинительного приговора приостанавливается, если осужденный уклоняется от отбывания (исполнения) наказания, в частности, *не уплачивает штраф без уважительной причины* (курсив мой. — К. К.) (часть 2 статьи 83 УК РФ), такого осужденного следует считать судимым».

Вопрос о наличии либо отсутствии уважительной причины неуплаты в данном случае носит отдельный характер и имеет значение для дальнейшего процесса замены наказания. На это указывается в письме Федеральной службы судебных приставов от 21 сентября 2016 г. № 00011/16/88341-АП «О соблюдении сроков направления представлений о замене наказания в виде штрафа».

Ссылаясь на п. 5.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21, авторы письма отмечают, что «осужденный, не уплативший штраф либо его часть в указанные сроки, является злостно уклоняющимся от его уплаты в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ. Таким образом, для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа *не требуется установления*

*других условий, кроме неуплаты штрафа или его части в срок»*¹² (курсив мой. — К. К.).

Таким образом, для приостановления сроков давности, предусмотренных ст. 83 УК РФ, не требуется специального судебного разбирательства, а моментом приостановления необходимо считать срок невыплаты штрафа (в течение 60 дней с момента вступления приговора), вне зависимости от того, происходила процедура замены наказания в виде штрафа на другой вид наказания либо нет.

Проведенный анализ вопросов правовой регламентации процедуры исполнения уголовного наказания в виде штрафа позволяет констатировать наличие несогласованности нормативных правовых актов, регулирующих сроки исполнения штрафа, и судебной практики в части понимания допустимых сроков исполнения данного наказания.

Во-первых, существующие на сегодняшний день сроки предъявления исполнительного листа о взыскании штрафа за преступления, предусмотренные ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», напрямую противоречат положениям ст. ст. 15, 83, 86 УК РФ, не позволяют в полном объеме исполнять наказание в виде штрафа и должны быть приведены в соответствие с положениями материального уголовного законодательства.

Во-вторых, отсутствие устоявшейся практики в части определения статуса лица, злостно уклоняющегося от исполнения штрафа, необходимого для решения вопроса о приостановлении сроков давности, предусмотренных в ст. 83 УК РФ, не позволяет реализовывать предупредительный потенциал данного вида наказания и существенно ограничивает сроки его исполнения. Изменение такого подхода возможно путем запрета на исчисление сроков давности обвинительного приговора суда применительно к лицам, уклоняющимся от исполнения штрафа, если его исполнение осуществляется в принудительном порядке.

Список литературы

1. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870.
2. Степашин В. М. Условность уголовного наказания (на примере штрафа) // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 3.
3. Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4.
4. Шуба Е. С. Институт замены штрафа иным наказанием: проблемы реализации // Юридическая наука. 2017. № 3.
5. Степашин В. М. Последствия неисполнения уголовного наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2.
6. Кудрявцева В. П. Виды производств в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11.
7. Черенков Э. А. Правовые последствия уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2 (33).

¹² О соблюдении сроков направления представлений о замене наказания в виде штрафа : письмо Федеральной службы судебных приставов РФ от 21 сентября 2016 г. № 00011/16/88341-АП.

УДК 343.14

А. Б. ДИВАЕВ, М. Э. РОМАНОВСКИЙ

Некоторые вопросы установления судами предмета доказывания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации

На основе материалов судебной практики судов г. Омска, кассационных судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ рассмотрены проблемы установления круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о получении взятки. Дан анализ приговоров по конкретным уголовным делам, изучены судебные решения вышестоящих судов, предложены рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: взяточничество, получение взятки, предмет доказывания, подлежащие доказыванию

Уголовные дела о взяточничестве, т. е. преступлениях, предусмотренных ст. ст. 290, 291, 291¹, 291² Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) всегда относились к числу наиболее сложных. В первую очередь эту «сложность» связывают с досудебным производством по уголовному делу, что имеет свою логику. Обычно, если отсутствует факт вымогательства взятки, оба участника данного события (взяткодатель и взяткополучатель), действуя в целях удовлетворения взаимного интереса, постараются сохранить случившееся в тайне, скрыть от правоохранительных органов. Очевидно, что это значительно усложняет процесс выявления, раскрытия и дальнейшего расследования этих преступлений.

В то же время анализ судебной практики показывает, что не меньше вопросов возникает при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве. И это не только традиционные уголовно-правовые проблемы квалификации, отграничения этих преступлений от фактов злоупотребления полномочиями, их превышения, провокации взятки и мошенничества. Не менее дискуссионна практика применения судами норм уголовно-процессуального законодательства, на что постоянно обращает внимание Верховный Суд РФ¹. Причем, как свидетельствуют его решения, «процессуальные» проблемы по делам о взяточничестве возникают и у судов первой инстанции, и у вышестоящих судов.

Сразу оговоримся, что в рамках одной, даже весьма объемной статьи вряд ли получится осветить все вопросы, возникающие в судебной практике по рассматриваемой категории дел. В связи с этим мы ограничимся только одним из таких вопросов, связанным с рассмотрением уголовных дел о получении взятки (ст. 290 УК РФ).

Если руководствоваться материалами изученных уголовных дел данной категории, одной из самых распространенных представляется *проблема установления судом круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о получении взятки*, или, другими словами, предмета доказывания по ним.

С точки зрения уголовно-процессуальной доктрины данный вопрос не представляет сложности, поскольку категория предмета доказывания разработана достаточно подробно. На первый взгляд, очевидно, что при определении структуры и содержания предмета доказывания по нему основополагающее значение имеет ст. 73 УПК РФ, предусматривающая совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по каждому уголовному делу. В теории уголовного процесса идет дискуссия относительно полноты отражения этих обстоятельств в законе, их соотношения с обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела, о проблеме выделения «главного факта» и т. д. Однако то, что ст. 73 УПК РФ — это и есть предмет доказывания по уголовному делу или, по крайней мере, его основная часть, признано практически единодушно.

Соответственно, когда мы говорим о практических проблемах, возникающих у судов с определением предмета доказывания по делам о получении взятки, нужно понимать, что речь идет о фактическом наполнении нормативных установлений ст. 73 УПК РФ, которое определяется двумя факторами:

— спецификой состава преступления, обстоятельства которого подлежат доказыванию в данном уголовном деле;

— уникальностью самого события данного преступления, что делает уникальным и фактическое содержание предмета доказывания по каждому уголовному делу.

¹ См., напр.: *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 18-УДП20-71-К4*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 5-УД21-35-К2*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2021 г. № 19-УД21-16-К5*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2021 г. № 23-УДП21-6-К5*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2022 г. № 5-УД22-29-К2*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 августа 2022 г. № 89-УД22-13-К7*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2022 г. № 12-УД22-6-К4*; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 19-УД22-24-К5*; и др. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Специфика состава получения взятки видна, как говорится, невооруженным глазом. Она связана в первую очередь с субъектом данного преступления и содержанием тех действий, которые он должен совершить, дабы деяние, инкриминируемое подсудимому, могло квалифицироваться по ст. 290 УК РФ. И, как показало изучение материалов дел, в части установления обстоятельств получения взятки, квалифицируемых в дальнейшем именно по этим признакам состава преступления, у судов имеются определенные сложности.

При выявлении признаков субъекта получения взятки, согласно указаниям п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24), суду необходимо исходить как из положений уголовного закона, так и из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19). Однако, несмотря на такое, достаточно скрупулезное отношение к вопросу об определении признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, у судов по-прежнему возникают определенные сложности.

Так, гражданин Л., начальник специализированного следственного отдела по расследованию дорожно-транспортных происшествий Следственного управления МВД РФ, был осужден приговором Куйбышевского районного суда г. Омска по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

По итогам судебного разбирательства суд первой инстанции пришел к выводу, что Л. получил от адвоката Г. взятку в размере 120 тыс. рублей за совершение незаконных действий: предоставление Г. информации о персональных данных потерпевшей К., сведений об обстоятельствах ДТП, а также документы, необходимые для предъявления в страховую компанию². При этом в обоснование своего вывода о наличии у Л. признаков субъекта преступления, а именно — должностных полномочий, которые, по мнению суда, были использованы им за денежное вознаграждение, суд сослался на положения п. 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции». Однако он не учел того, что сотрудники следственного аппарата органов внутренних дел не являются сотрудниками полиции и предусмотренное этой нормой полномочие «вызывать в полицию (курсив наш. — А. Д., М. Р.) граждан и должностных лиц по расследуемым уголовным делам» никакого отношения к следователям не имеет. Исходя из структуры органов внутренних дел, можно уверенно утверждать, что оно распространяется исключительно на дознавателей, которые, действитель-

но, отнесены к органам полиции, но не на следователей, полномочия которых определены исключительно уголовно-процессуальным законом.

В пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 разъяснено судам, что «при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 285 УК РФ или статьями 286 УК РФ, судам надлежит выяснять, *какими нормативными правовыми актами, а также иными документами* (курсив наш. — А. Д., М. Р.) установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица...», чего Куйбышевский районный суд г. Омска не учел.

Закономерно возникает вопрос о том, какое отношение это постановление имеет к случаям рассмотрения уголовных дел о получении взятки. Как оказалось — самое прямое, на что указывает практика Верховного Суда РФ.

В 2021 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ была рассмотрена кассационная жалоба, принесенная на обвинительный приговор Измайловского районного суда г. Москвы по фактически сходному уголовному делу о получении взятки гражданином Ш., признанным виновным в том, что он, будучи заместителем начальника полиции (по охране общественного порядка) отдела МВД России по району Соколиная Гора г. Москвы лично получил «взятку в виде денег за совершение в пользу взяткодателя действий, входящих в служебные полномочия должностного лица, т. е. за принятие процессуального решения о прекращении уголовного дела, возбужденного... в отношении Б.»³.

Судебная коллегия, рассмотрев в судебном заседании кассационную жалобу, пришла к выводу, что Ш. не обладал процессуальными полномочиями на прекращение уголовного дела, так как анализ нормативных положений указывает на то, что «заместители начальника полиции могут осуществлять полномочия начальника органа дознания лишь после наделения их данными полномочиями в строго установленном порядке, что должно быть отражено в должностном регламенте заместителя начальника или в приказе начальника полиции, но *никак не лично усмотрению и независимо от начальника органа дознания*» (курсив наш. — А. Д., М. Р.). При этом в обоснование своей позиции Судебная коллегия Верховного Суда РФ прямо сослалась на п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19, породив тем самым прецедент, который не может не учитываться судьями нижестоящих судов.

Следовательно, в рассмотренной ситуации гражданин Л. не являлся субъектом преступления, т. е. не располагал тем полномочием, ссылаясь на наличие которого его привлекли к ответственности.

Не стоит думать, что сложности в определении субъекта получения взятки — это характерная черта

² Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 27 июня 2022 г. по уголовному делу № 1-123/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.04.2022).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 5-УД21-35-К2.

деятельности судов основного звена. Ошибки в установлении признаков субъекта данного преступления имеют место и в вышестоящих судах.

Иллюстрацией сказанного является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которым она отменила кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции по делу Б.⁴ Она обвинялась в том, что, занимая должность главной медицинской сестры ГБУ «Республиканская клиническая больница им. Ш. Ш. Эпендиева» в г. Грозный, получила взятку в виде денег за содействие И. в трудоустройстве на должность «санитарки».

Судом первой инстанции Б. была признана виновной в совершении преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чеченской республики, рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке, оставила приговор без изменения. Пятый же кассационный суд приговор отменил, акцентировав внимание, в частности, на том, что «к делу приобщены разные по своему содержанию должностные инструкции главной медицинской сестры... и судами первой и апелляционной инстанции не установлено, какие из них действовали на момент совершения преступления, была ли Б. с ними ознакомлена, наделялась ли она полномочиями, свидетельствующими о ее специальном статусе».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции, обосновав свое решение тем, что суд первой инстанции в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора привел мотивы того, почему им была отвергнута более поздняя по времени должностная инструкция Б. и принята во внимание должностная инструкция, датированная более ранним периодом, чего не учел Пятый кассационный суд, отменяя приговор суда первой инстанции.

Сложнейшей задачей, стоящей перед судами, рассматривающими уголовные дела о получении взятки, является задача установления фактического содержания действий, совершенных подсудимыми и подлежащих квалификации по признакам объективной стороны данного преступления.

Для иллюстрации снова обратимся к рассмотренному нами выше уголовному делу по обвинению Л.

Как уже упоминалось, суд признал его виновным в получении денежного вознаграждения за совершение им незаконных действий с использованием служебных полномочий, состоящих в предоставлении адвокату Г. информации о персональных данных потерпевшей К., сведений об обстоятельствах ДТП, а также документов, необходимых для предъявления в страховую компанию.

При этом в первоначальном варианте следствие вменяло в вину Л. еще и «организацию встреч адвоката с потенциальными клиентами из числа лиц,

имеющих право на страховое возмещение... общее покровительство и попустительство... незаконное бездействие в ходе проверки по материалу КУСП №... в отношении Ш.», что и было отражено в обвинительном заключении. Однако суд первой инстанции эти действия признал недоказанными и при постановлении приговора изменил обвинение, исключив их из него. Что же осталось от обвинения? А осталось следующее. Л., являясь следователем по уголовному делу о ДТП, результатом которого стала смерть сына К., признанной потерпевшей по делу, предоставил некую персональную информацию о ней, сведения об обстоятельствах ДТП, а также копии необходимых документов адвокату Г., который намеревался действовать в ее интересах и обеспечить правовую помощь в возмещении вреда, причиненного преступлением. При этом Л. не отрицал того факта, что эти сведения и материалы были предоставлены им Г. за денежное вознаграждение, что само по себе является серьезным дисциплинарным поступком, за что он был уволен из органов внутренних дел. Однако является ли это преступлением? Если следовать логике постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24, то нет.

Согласно п. 3 данного постановления «под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право (или) обязано совершить в пределах *его служебной компетенции*», а поэтому «не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т. п. за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям» (п. 7).

Думается, вполне очевидно, что когда Л. рекомендовал К. адвоката Г., а также предоставлял ему персональные данные его потенциальной клиентки, копии документов, которые тот должен был предоставить в страховую компанию, и др., он действовал не как представитель власти, обладающий по отношению к К. и Г. организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

При этом, дабы связать Л. и К., показать зависимое, «повластное» положение К., суд первой инстанции акцентировал внимание на том, что К. в уголовном деле о смерти ее сына в результате ДТП была признана потерпевшей, что и отразил в приговоре, именно так обозначив ее статус. Однако по материалам дела видно, что уголовное дело, в котором К. обладала таким статусом, к моменту предоставления Л. информации Г. уже было завершено и это полностью нивелирует базовый тезис обвинения, что, являясь потерпевшей, К. находилась в зависимом положении от Л., чем тот и воспользовался. Тем более что и сам этот тезис о том, что потерпевшая находится

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2022 г. № 5-УД22-29-К2.

в какой-то зависимости от следователя, при ближайшем рассмотрении вряд ли выдерживает критику: это самостоятельные участники уголовного судопроизводства. Следователь не представляет потерпевшего в уголовном деле и действительными процессуальными средствами, способными нанести вред его интересам и тем самым понудить его к совершению каких бы то ни было действий (например, заключить договор об оказании юридических услуг с конкретным адвокатом за вознаграждение с его стороны), не располагает.

Определенный интерес в рассматриваемом деле представляет и тот факт, что суд первой инстанции, признав Л. виновным в предоставлении персональных данных К. адвокату Г., если судить по материалам дела, не установил, какие именно персональные данные были им предоставлены в распоряжение Г., что, по сути, влечет необоснованность приговора. Закон содержит достаточно обширный перечень сведений, которые отнесены к персональным данным, и суд, рассматривающий дело о нарушении режима их неприкосновенности, обязан был указать, какую именно защищаемую законом информацию из этого законодательного перечня Л. передал Г. Однако поскольку в деле отсутствуют доказательства, указывающие на такого рода передачу, суд не имел возможности назвать ни один из таких видов персональных данных, указав лишь на абстрактное действие Л. — некую «передачу персональных данных».

Существенно усложняет непростой процесс доказывания по делам о получении взятки такое обстоятельство, как наличие представляемых лиц, когда взяткодатель действует не от своего имени и не в своих интересах, а от имени и в интересах третьих лиц. Вполне очевидно, что доказывание события преступления в таких случаях подразумевает обязательное установление не только фактического взяткодателя, но и таких обстоятельств, как:

- наличие представляемого лица или представляемых лиц, установление их личности;
- наличие связи между фактическим взяткодателем и представляемыми им лицами;
- заинтересованность представляемого лица в совершении действий или бездействии взяткополучателя, за которые тот получил взятку (обещана взятка), а равно действий или бездействия должностного лица, за которые тому было предложена взятка (если имеется факт покушения на дачу взятки).

Без доказывания этих обстоятельств вряд ли можно говорить о доказанности факта преступления и, соответственно, об обоснованности приговора.

Между тем в судебной практике встречаются случаи, когда суды постановляют обвинительные приговоры фактически без установления указанных обстоятельств. Так, О., начальник следственного отдела одного из районов г. Омска, обвинялся в том, что получил от посредника Х., действующего в интересах К. и представляемых им З. и неустановленных лиц, денежные средства за освобождение З. и неустановленных лиц от уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также выборочную фальсификацию материалов уголовного дела, последующую квалификацию действий З. по ч. 1 ст. 303 УК РФ и направление уголовного дела в суд в порядке, предусмотренном ст. 76² УК РФ, с назначением судебного штрафа.

Суд, рассмотрев материалы уголовного дела, отверг обвинения в том, что Х. действовал в интересах З. и К., так как не подтверждена их заинтересованность в действиях О. В итоге суд постановил обвинительный приговор, усмотрев в действиях О. факт получения взятки от Х., действовавшего в интересах неких неустановленных «представляемых им лиц», что само по себе выглядит странно и порождает массу вопросов. Самый главный из них: как суд смог установить связь взяткодателя с интересантами, если непонятно, имелись ли они на самом деле или нет? Данный факт не подтверждается показаниями обвиняемых или свидетелей. Сама З. в своих показаниях лишь обмолвилась о неких Вадиме и Зурабе, которые могли бы рассматриваться как эти «представляемые лица», однако при одном условии: если бы обвинение на стадии предварительного расследования дела предприняло усилия по установлению реальности этих лиц и привлечению их к ответственности как соучастников преступления. Но ничего такого ими сделано не было. Суд же не мог самостоятельно их устанавливать, так как в этом случае вышел бы за пределы предъявленного обвинения, что недопустимо в силу ст. 252 УПК РФ.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что указанные проблемы судебной практики представляют собой лишь малую часть тех вопросов, которые возникают в практике применения уголовно-процессуального закона по делам о взяточничестве. И остается надеяться, что со временем их количество будет уменьшаться.

УДК 343.15

И. С. ДИКАРЕВ

Составление приговора по уголовному делу: проблемы законодательной регламентации

В статье дается оценка действующего правового регулирования порядка составления и оглашения приговора судом первой инстанции и предлагаемых законодательных инициатив, направленных на оптимизацию данных процедур. Автор обосновывается необходимость и целесообразность закрепления в законе правила о составлении и оглашении только вводной и резолютивной части приговора с возможностью изготовления полного текста приговора после окончания судебного разбирательства.

Ключевые слова: суд, судебное разбирательство, приговор, постановление приговора, оглашение приговора, совещательная комната, гласность

В настоящее время юридической общественностью широко обсуждаются предложенные Верховным Судом РФ изменения в уголовно-процессуальный закон в части, касающейся регламентации судебного порядка рассмотрения жалоб на постановления органа дознания, дознавателя, следователя и руководителя следственного органа, процедуры оглашения приговора, а также порядка рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции.

Соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ более пяти лет назад постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 13 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации“». 9 ноября 2022 г. этот законопроект, которому был присвоен № 163784-7, был принят в первом чтении, при этом было указано на необходимость представления в тридцатидневный срок поправок к законопроекту. 15 ноября 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 35 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поправок к проекту федерального закона № 163784-7 „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации“». Именно эти поправки и вызвали повышенный интерес со стороны специалистов в области уголовного судопроизводства. Они затрагивают законопроект только в части, касающейся предлагавшихся прежде изменений порядка оглашения приговора, но при этом кардинально меняют вектор предстоящих преобразований.

Напомним суть изменений, предлагавшихся в 2017 г. Законопроект № 163784-7 предусматривал новую редакцию ч. 7 ст. 241 УПК РФ: «Приговор суда или иное решение, вынесенное по результатам судебного разбирательства, провозглашается в открытом судебном заседании. При этом оглашаются вводная и резолютивная их части». По сути, Пленум Верховного Суда РФ выступил с инициативой отказаться от принятого в настоящее время в качестве общего пра-

вила порядка, при котором в открытом судебном заседании подлежит оглашению весь текст приговора. Законопроект не предусматривал прямо возможность составления полного текста приговора в определенный срок после оглашения вводной и резолютивной частей, но такая возможность косвенно усматривалась из положения ст. 312 УПК РФ, согласно которому копии приговора подлежат вручению сторонам в течение 5 суток после провозглашения приговора.

Подход Пленума Верховного Суда РФ вполне соответствует наметившейся в последнее десятилетие тенденции расширения случаев оглашения в судебном заседании только вводной и резолютивной частей приговора.

До 2011 г. такое «усеченное» оглашение приговора допускалось только в случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании. Составляя исключение из принципа гласности судопроизводства, такой порядок обеспечивал сохранение в тайне обстоятельств, которые исследовались в закрытом судебном заседании.

Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ расширил перечень случаев, когда допускалось оглашение в судебном заседании только вводной и резолютивной частей приговора.

Новая редакция ч. 7 ст. 241 УПК РФ предусматривала такую возможность не только по уголовным делам, рассматривавшимся в закрытом судебном заседании, но также по всем уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. По оценкам специалистов, данная новелла была направлена на облегчение работы правоприменителей, поскольку уголовные дела о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, равно как и выносимые по ним приговоры, как правило, отличаются «гигантскими объемами» [1, с. 33–34]. Действительно, оглашение многостраничных, порой составляющих несколько томов уголовного дела приговоров по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, превращалось не только для су-

¹ Российская газета. 2011. 9 декабря.

дей, но и для граждан, присутствовавших в зале суда, в изнурительную и во многом бессмысленную из-за сложности восприятия на слух столь объемного содержания процедуры.

Очередной шаг в сторону расширения перечня уголовных дел, по которым допустимо «усеченное» оглашение приговора, сделан законодателем в 2014 г., когда был принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»². Однако на этот раз мотивы, которыми руководствовался законодатель, были уже совершенно иными. Перечень преступлений, которым была дополнена ч. 7 ст. 241 УПК РФ, определен законодателем на основе довольно четкого критерия — в основной своей массе эти деяния относятся к группе преступлений террористической направленности. Нужно отметить, что такой порядок оглашения приговора имеет исключительно важное значение в контексте общей политики противодействия терроризму. Дело в том, что к числу существенных признаков терроризма относятся публичность, гласность совершения общественно опасных посягательств, их идеологичность [2, с. 8]. Речь прежде всего идет о совершении преступлений, объективная сторона которых в целях нагнетания атмосферы страха и социального напряжения, как правило, рассчитана на максимальный внешний эффект и потому связана с действиями, носящими масштабный, публичный характер. Без широкой огласки, без открытого взятия на себя ответственности за совершенный террористический акт, а в ряде случаев и без открытого предъявления требований современный терроризм не может существовать. Публичность совершаемых акций и последующая огласка, в том числе связанная с проводимым судебным разбирательством, облегчают достижение преследуемых преступниками целей, в связи с чем ограничение гласности по такого рода уголовным делам является объективно необходимым [3, с. 18–19].

Несмотря на обширность круга уголовных дел, по которым закон допускает «усеченное» оглашение приговора, широкой практики применения положения ч. 7 ст. 241 УПК РФ не получили. Проблема состоит в том, что перечисленные в этой норме составы, как правило, вменяются подсудимым наряду с другими составами преступлений, в отношении которых действует общий, т. е. без сокращений, порядок оглашения приговоров. Данное обстоятельство и послужило основанием для законодательной инициативы Пленума Верховного Суда РФ ввести оглашение вводной и резолютивной частей приговора в качестве общего правила по всем без исключения уголовным делам.

При этом Пленум Верховного Суда РФ предложил эффективный механизм обеспечения права заинтересованных лиц (прежде всего — сторон) на обжалование приговора в суд апелляционной инстанции в условиях, когда оглашается не весь текст при-

говора, а только его вводная и резолютивная части. Так, с учетом положения ст. 312 УПК РФ, предусматривающей 5-суточный срок вручения копии приговора осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю, а также иным участникам уголовного процесса при наличии ходатайства указанных лиц, в законопроект № 163784-7 включено положение, предусматривающее увеличение установленного в ч. 1 ст. 389⁴ УПК РФ срока обжалования приговора в апелляционном порядке с 10 до 15 суток. Таким образом, 10-суточный срок для принесения апелляционных жалобы или представления после получения полного текста приговора оставался в распоряжении заинтересованных лиц. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 310 УПК РФ на суд, в случае провозглашения только вводной и резолютивной частей приговора, возлагалась обязанность разъяснить участникам судебного разбирательства порядок ознакомления с полным текстом приговора.

Однако законопроект Верховного Суда РФ был подвергнут критике. В частности, предлагаемые изменения в ч. 7 ст. 241 УПК РФ вызвали негативную реакцию адвокатского сообщества. Федеральная палата адвокатов РФ направила в адрес Государственной Думы свою позицию, в которой обратила внимание на то, что предлагаемое изменение процессуального режима провозглашения приговора вступает в противоречие с международными стандартами уголовного судопроизводства.

По мнению Федеральной палаты адвокатов РФ, в случае принятия рассматриваемого законопроекта общество не будет иметь сведений о мотивации решения суда вплоть до вступления приговора в законную силу [4]. Ключевое требование адвокатского сообщества сводилось к тому, что приговор, даже в случае оглашения в судебном заседании только его вводной и резолютивной частей, должен быть изготовлен в полном объеме уже к моменту оглашения.

Вследствие высказанных в адрес законопроекта критических замечаний принятие Государственной Думой законопроекта № 163784-7 в первом чтении сопровождалось, как уже было сказано, указанием на необходимость представления поправок к нему. На сайте «Адвокатской газеты» сообщалось о том, что Пленумом Верховного Суда РФ подготовлен законопроект, предусматривающий изменение редакции ст. 312 УПК РФ, по смыслу которой, копии полного текста приговора вручаются сторонам «немедленно после оглашения вводной и резолютивной частей приговора» [5]. Впрочем, из окончательного варианта постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 35 пункт, предлагавший новую редакцию ст. 312 УПК РФ, был исключен. Однако и для толкований уголовно-процессуального закона в том смысле, что изготовление полного текста приговора допускается в течение 5 суток после оглашения вводной и резолютивной частей приговора, не осталось никаких

² Российская газета. 2013. 31 июля.

оснований. Предложенная Пленумом Верховного Суда РФ новая редакция ч. 2 ст. 303 УПК РФ прямо указывает на то, что в совещательной комнате приговор должен быть составлен «в полном объеме».

Полностью поддерживая инициативу Пленума Верховного Суда РФ установить по всем уголовным делам «усеченное» оглашение приговора, мы не можем оценить положительно сохранение прежнего порядка его составления. О необходимости его изменения мы писали более 10 лет назад [6, с. 42–44], при этом приводившиеся тогда аргументы полностью сохранили свое значение и в наше время, в связи с чем целесообразно их напомнить.

В силу своей загруженности судьи фактически не имеют возможности заниматься составлением приговора непосредственно в совещательной комнате перед его провозглашением. Для этого необходимо оставаться в совещательной комнате по нескольку часов, а то и дней, что препятствует возможности рассматривать в этот период другие дела. Практика давно нашла выход из этого положения, и заключается он в том, что проект приговора составляется до завершения судебного разбирательства. Для этого судьи, рассматривающие объемные уголовные дела, объявляют длительные, доходящие до нескольких дней перерывы до начала или во время судебных прений. Тем самым судьи получают возможность параллельно с подготовкой проекта приговора рассматривать другие дела. Как следствие, выступления сторон в судебных прениях превращаются в формальность, ведь производятся они в условиях, когда приговор уже практически составлен (а значит, у суда уже сложилось внутреннее убеждение по основным вопросам, подлежащим раз-

решению при составлении приговора). Случаи, когда суд возобновляет судебное следствие в связи с сообщениями стороны защиты о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, составляют редкое исключение.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать закрепление в законе правила, согласно которому суд не только оглашает, но и составляет в совещательной комнате только вводную и резолютивную части приговора, а полный текст приговора изготавливается после окончания судебного разбирательства. Это позволило бы создать такие условия, при которых итоговое судебное решение выносилось бы судом под непосредственным влиянием результатов не только судебного следствия, но и прений сторон. Кроме того, устранение фактора дефицита времени при составлении приговора позволило бы повысить и качество судебных решений.

Возражения, приводимые против предлагаемого порядка изготовления приговора, не выдерживают критики. Прежде всего такой порядок никак не ограничил бы право сторон на обжалование судебных решений (тем более с учетом предлагаемого увеличения срока апелляционного обжалования). Но самое главное заключается в другом: если в апелляционной инстанции суд вправе отложить составление мотивированного решения на срок до 3 суток со дня окончания разбирательства уголовного дела (ч. 2 ст. 389³³ УПК РФ) и это никак не нарушает ни принципы уголовного процесса, ни права участвующих в деле лиц, то почему такой же порядок не может использоваться в суде первой инстанции, ведь речь идет о равнозначных итоговых решениях по уголовным делам.

Список литературы

1. Сычев П. Г. О пределах дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2017. № 6.
2. Лобсанова Т. А. Особенности проявления терроризма в условиях трансформирующегося российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2007.
3. Дикарев И. С., Никонович С. Л. Гласность уголовного судопроизводства в контексте противодействия терроризму (часть вторая) // Вестник военного права. 2022. № 2.
4. Кузнецов Г. Оптимизация в ущерб защите. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/optimizatsiya-v-ushcherb-zashchite/> (дата обращения: 23.11.2022).
5. Нагорная М. Поправки можно оценить только положительно. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/popravki-mozhno-otsenit-tolko-polozhitelno/> (дата обращения: 23.11.2022).
6. Дикарев И. С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании // Законность. 2009. № 3.

О. П. ГРИБУНОВ, Л. М. МАНДАРХАНОВА**Доказательственное значение судебных экспертиз по делам о дорожно-транспортных преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ**

Рассматриваются виды судебных экспертиз, назначаемых и проводимых при проверке сообщений о дорожно-транспортных преступлениях, а также в процессе их расследования. Авторы делают вывод, что в правоприменении сформировалась практика обязательного производства некоторых видов судебных экспертиз при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по данным фактам. На основе анализа действующего законодательства и ситуаций его применения сформулировано доказательственное значение результатов судебных экспертиз для уголовно-правовой оценки нарушений правил дорожного движения, а также установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, дорожно-транспортные преступления, специальные познания, судебная экспертиза, автотехническая судебная экспертиза, генетическая судебная экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, доказательства, заключение эксперта

В настоящее время использование специальных познаний является неотъемлемой частью деятельности должностных лиц органов предварительного расследования. От своевременности назначения и качества проведения судебных экспертиз напрямую зависит результат расследования и судебная перспектива практически всех уголовных дел. Использование следователем (дознавателем) судебной экспертизы способствует объективному и всестороннему установлению предмета доказывания, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечивает осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок.

Существенным достижением законодателя, на наш взгляд, является внесение изменений в порядок рассмотрения сообщений о преступлении, связанных с легализацией возможности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Уже на протяжении десяти лет судебная экспертиза, наряду с осмотром места происшествия, осмотром трупа, освидетельствованием, а также другими следственными и иными процессуальными действиями, позволяет обоснованно и мотивированно принимать решения о наличии или отсутствии основания для возбуждения уголовного дела.

Известно, что судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в различных областях [1, с. 129]. Кроме того, законом оговорены случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Думается, что при их определении законодатель исходил из того, что установить, например, причину смерти, характер и степень вреда здоровью можно только посредством проведения судебной экспертизы. Результаты проведенного исследования содержат опосредованную доказательственную информацию, не требующую иных подтверждений [2, с. 130].

В правоприменительной практике сформировалось мнение об обязательном производстве некоторых видов судебных экспертиз при проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, их расследовании в случаях, не предусмотренных ст. 196 УПК РФ.

В данном случае вид назначаемой судебной экспертизы будет зависеть от обстоятельств предполагаемого преступного события, от типа дорожно-транспортного происшествия (столкновение; опрокидывание; наезд на пешехода, препятствие, стоящее транспортное средство и т. д.). Очевидно, что если в результате дорожно-транспортного происшествия наступила смерть участника либо его здоровью причинен вред, следовательно, руководствуясь положениями ст. 196 УПК РФ, выносит постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы.

Если преступным последствием дорожно-транспортного преступления является смерть, следовательно производится осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта либо врача. Последний, выполняя функцию содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии следов преступления, оказывает ему помощь в описании места нахождения трупа, его расположения, имеющих повреждения, в том числе для правильной постановки вопросов перед экспертом в дальнейшем.

При вынесении постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа следователь ставит перед экспертом вопросы, касающиеся: причины смерти лица; наличия в его крови алкоголя, наркотических, психотропных, иных веществ; степени тяжести, характера и локализации телесных повреждений, механизма их образования, возможности их получения в результате искомого события, а также другие вопросы в зависимости от обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. В распоряжение эксперта следователь, как правило, предоставляет не только труп, но и одежду погибшего.

В ряде случаев, когда требуется производство ситуационной (ситуалогической) судебно-медицинской экспертизы, в распоряжение эксперта также направляются другие необходимые материалы: протоколы осмотра места происшествия, предметов, транспортного средства, объяснения участников дорожно-транспортного происшествия и др.

Такая судебная экспертиза позволяет установить, какой частью тела был обращен пешеход к травмирующему транспортному средству (правой боковой, левой боковой, передней, задней); направление движения пешехода непосредственно перед наездом на него транспортного средства, в какую часть тела пешехода произошел удар, расположение пешехода относительно проезжей части в момент ДТП.

В ситуациях, когда в результате опрокидывания транспортного средства пострадавшие «вылетают» из салона автомобиля, будучи не пристегнутыми ремнями безопасности, следователю невозможно без судебно-медицинской экспертизы установить расположение пострадавших в салоне автомобиля. Эксперт по имеющимся телесным повреждениям может установить, для кого характерны полученные телесные повреждения (водителя, пассажира заднего сиденья, пассажира переднего сиденья).

Результаты судебно-медицинской экспертизы о причинно-следственной связи между дорожно-транспортным происшествием и наступившими общественно опасными последствиями в виде смерти имеют принципиальное значение для правовой оценки произошедшего. Например, экспертом может быть установлено, что лицо скончалось не в результате полученных телесных повреждений в момент дорожно-транспортного происшествия, а в результате имеющегося у него хронического или иного заболевания. В данном случае признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, будут отсутствовать.

Важнейшее значение для установления предмета доказывания дорожно-транспортных преступлений имеет автотехническая судебная экспертиза, которая, по справедливому замечанию некоторых авторов, проводится при расследовании абсолютно всех дорожно-транспортных преступлений, является определяющей и в высокой степени информативно насыщенной [3, с. 80].

Важно отметить, что в компетенцию эксперта, назначенного для проведения судебной автотехнической экспертизы, входит решение только специальных технических вопросов, связанных с дорожно-транспортным происшествием. Решение правовых вопросов относится к исключительной компетенции должностного лица органа предварительного расследования и суда. Объектом экспертного исследования могут быть только обстоятельства, связанные с фактическими действиями водителя транспортного средства и других участников дорожного движения. Например, при расследовании столкновения транс-

портных средств следователь ставит вопросы о его механизме, включающем определение последовательности контактирования автомобилей друг с другом (включая то, какими частями оно происходило), установление места столкновения относительно границ проезжей части и угла взаимного расположения в момент их удара, скорости движения транспортных средств и другие вопросы, касающиеся той или иной ситуации.

Как правило, при столкновении транспортных средств один из водителей или других участников погибает либо получает тяжкие телесные повреждения. В подобных случаях по объективным причинам следователь не имеет возможности получить объяснения (а при расследовании уголовного дела — допросить) всех участников дорожно-транспортного происшествия. Не исключено, что, находясь в стрессовой ситуации или пытаясь избежать ответственности, они не могут сообщить значимую информацию либо, напротив, сообщают заведомо недостоверные сведения (ложные показания). Особую сложность представляют ситуации, в которых в живых остается только один участник дорожно-транспортного происшествия.

Эффективное использование судебной автотехнической экспертизы напрямую зависит от качества произведенного следователем осмотра места происшествия. Чтобы эксперт ответил на все поставленные перед ним вопросы, целесообразно привлечь специалиста (например, специалиста-автотехника) к производству осмотра места дорожно-транспортного происшествия.

Для формирования суждений эксперта о механизме столкновения транспортных средств важно зафиксировать не только точное время и место происшествия, погодные условия, качество и состояние дорожного покрытия, но и следы, оставшиеся на дороге, их виды, размеры и координаты, в том числе и расположение автомобилей относительно друг друга, а также на проезжей части. При этом следователю надлежит иметь в виду, что после столкновения автомобили сильно деформируются и перемещаются. Кроме того, на проезжей части образуются осыпи стекла, пластмассы, разливы жидкостей. Указанное имеет важнейшее значение для точного определения места столкновения.

Качественное производство осмотра места происшествия, а также правильно сформулированные в постановлении о назначении автотехнической экспертизы вопросы позволяют следователю установить достаточно широкий круг обстоятельств. В частности: какие требования правил дорожного движения нарушили водители в конкретной дорожной ситуации; чьи действия привели к наступлению общественно опасных последствий; кто допустил выезд своего автомобиля на полосу встречного движения и создал помеху другим участникам движения; мог ли водитель в условиях ограниченной видимости своевре-

менно заметить, откуда вышел пешеход, каким образом он пересекал проезжую часть, а также мог ли он избежать наезда на пешехода.

Результаты судебных экспертиз могут иметь решающее значение по делу, от них может зависеть, будет ли водитель, совершивший наезд на пешехода, пересекавшего проезжую часть вне пешеходного перехода, подлежать уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Если эксперт в ходе проведения автотехнической судебной экспертизы придет к выводам, что водитель не располагал технической возможностью предотвратить наезд на пешехода, поскольку тормозной путь транспортного средства выше, чем удаление его от пешехода в момент возникновения опасности, то в результате проверки сообщения о преступлении, несмотря на гибель пешехода, следователем в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. Если к моменту получения следователем заключения эксперта уголовное дело уже было возбуждено, оно подлежит прекращению по тому же основанию.

На решающее значение выводов автотехнической судебной экспертизы при решении вопроса о виновности лица по факту наезда на пешехода обращено внимание Пленума Верховного Суда РФ (п. 6 постановления от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹). Высшая судебная инстанция обратила внимание нижестоящих судов на то, что уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступает, если у водителя имелась техническая возможность избежать дорожно-транспортного происшествия и с наступившими последствиями установлена причинная связь.

Говоря о расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях (равно как о проверке сообщений о данных общественно опасных деяниях), нельзя не сказать о разновидности фоновидеоскопического исследования — видеотехнической судебной экспертизе. Ее необходимость обусловлена тем, что водители достаточно часто устанавливают в транспортных средствах видеорегистраторы, а также повсеместно используются камеры видеонаблюдения (на зданиях, сооружениях, подъездах жилых домов, магазинах, ресторанах, охраняемых стоянках транспортных средств) в связи с внедрением систем видеонаблюдения «Безопасный город». Видеотехнические судебные экспертизы позволяют более точно установить марку, модель, размер и другие отличительные особенности автомобиля, скорость движения транспортного средства, определить место столкновения или наезда и многое другое.

Видеозаписи, на которых зафиксированы сведения об обстоятельствах, имеющих (либо могущих иметь) доказательственное значение, изымаются, осматриваются следователем и предоставляются в распоряжение эксперта для проведения видеотехнической экспертизы.

Для ответа на сформулированные в постановлении о назначении экспертизы вопросы эксперт может запросить у следователя дополнительные данные, например, о расстоянии между стационарными объектами (например, световыми опорами). Для получения необходимых эксперту исходных данных может возникнуть необходимость производства дополнительного осмотра места происшествия, в ходе которого осуществляются дополнительные замеры: расстояние между световыми опорами, ширина полос, дорожной разметки, расстояние между дорожными знаками, зданиями и др.

Примером эффективного использования результатов видеотехнической экспертизы может послужить уголовное дело, возбужденное по факту наезда на пешехода П. автомобилем «Мазда» под управлением водителя А., который совершил наезд на пешехода, переходящего в зоне автобусной остановки проезжую часть не по пешеходному переходу. Казалось бы, в данной ситуации виноват пешеход, который пересек дорогу вне «зебры», однако видеотехническая экспертиза помогла установить грубое нарушение водителя А., выразившееся в том, что он, двигаясь с превышением допустимого скоростного режима 40 км/ч, допустил выезд своего автомобиля на полосу встречного движения для объезда маршрутного автобуса, остановившегося на остановке для высадки и посадки пассажиров, в момент объезда автобуса на полосе встречного движения допустил наезд на пешехода П., который пересек проезжую часть справа налево по ходу его движения и к тому времени уже преодолел правую полосу, тем самым освобождая ее для автомобиля «Мазда». В соответствии с Правилами дорожного движения Российской Федерации водитель обязан выполнять требования пункта 10.1, который предписывает водителю вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства, дорожные и метеорологические условия. В этой ситуации водитель пренебрег требованиями данного пункта, поскольку двигался с превышением, выполнил опасный маневр, выехав на полосу встречного движения, не учел дорожную обстановку, а именно стоящий на остановке автобус и возможность появления пешеходов, выходящих из-за автобуса. В ходе видеотехнической экспертизы было установлено превышение скоростного режима, факт выезда на полосу встречного движения, что опровергло показания водителя, который при попытке уйти от ответственности пояснял, что место наезда располагалось на его

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правой полосе движения, что, безусловно, влияло на результаты правовой оценки его действий. В результате проведенного расследования вина водителя А. была доказана, уголовное дело успешно рассмотрено в суде.

В правоприменительной практике по делам о дорожно-транспортных преступлениях особую сложность представляют следственные ситуации, в которых лицо, управляющее транспортным средством, достоверно неизвестно (лицо, управляющее транспортным средством, скрылось с места происшествия, отрицает факт управления и т. д.). В таких случаях для установления ключевых элементов предмета доказывания используется генетическая экспертиза.

В целях установления принадлежности обнаруженных ДНК-следов конкретному лицу с помощью генетической экспертизы, следователю требуется в максимально короткий срок изъять генетический материал с транспортного средства. Это позволит избежать безвозвратной утраты следов ввиду погодных условий либо других неблагоприятных факторов.

Особое значение генетическая судебная экспертиза приобретает в случаях совершения дорожно-транспортных преступлений неустановленными лицами. Кроме того, ее выводы позволяют определить, что кровь, обнаруженная на подушке безопасности водительского сидения, принадлежит лицу, отрицающему факт управления транспортным средством в момент дорожно-транспортного происшествия.

В совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами заключение эксперта обеспечит обоснованность и неопровержимость предъявленного обвинения [4, с. 53–54].

В качестве примера приведем дорожную ситуацию, произошедшую 5 июля 2015 г. около 12 часов 45 минут в г. Иркутске. Водитель А., управляя технически исправным автомобилем, допустил его выезд на полосу встречного движения, где столкнулся с двумя автомобилями под управлением С. и Н., в результате чего пассажир автомобиля под управлением Н. гражданка К. скончалась от полученных телесных повреждений в медицинском учреждении спустя несколько часов после происшествия, остальные участники получили телесные повреждения различной степени тяжести. В ходе предварительного следствия виновный водитель А. отрицал факт управления сво-

им автомобилем, ссылаясь на то, что в момент ДТП находился на пассажирском сиденье, а автомобилем управляло неизвестное ему лицо. На основании показаний свидетелей после столкновения водитель А. действительно покинул салон своего автомобиля через переднее пассажирское сиденье автомобиля. Однако выводы генетической судебной экспертизы опровергли его показания и подтвердили, что на представленном фрагменте подушки безопасности с рулевого колеса автомобиля А., изъятый с места происшествия, обнаружена кровь гражданина А., который после столкновения пересел на пассажирское переднее сиденье и поэтому покинул салон своего автомобиля через переднюю пассажирскую дверь, как и поясняли очевидцы. В совокупности с иными доказательствами была доказана вина водителя А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ. Подсудимый А. был осужден к 3 годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством, сроком на 3 года, с отбыванием наказания в колонии-поселении².

Подводя итог, отметим, что правильное применение следователем специальных познаний способствует достижению наилучшего результата предварительного расследования [5, с. 275]. Переоценить доказательственное значение производства судебных экспертиз в целом, а также в досудебном производстве по делам о дорожно-транспортных преступлениях в частности, невозможно. Они обеспечивают выполнение требований по установлению предмета доказывания, необходимого для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела, принятию законных, обоснованных и мотивированных решений. Наиболее распространенным по таким делам является назначение и производство судебно-медицинской, автотехнической, видеотехнической и генетической экспертизы.

При этом потенциал их использования может быть существенно снижен ненадлежащим качеством произведенного осмотра места происшествия и других следственных действий, равно как и непредоставлением в распоряжение эксперта качественных объектов для исследования, своевременно изъятых в ходе проведения иных процессуальных действий.

Список литературы

1. Кудрявцев И. К., Обыденова А. А. Понятие и значение судебной экспертизы при расследовании уголовных дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2-2(41).
2. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3(90).
3. Ващенко Б. М. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании ДТП с участием междугородних автобусов // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2020.

² Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска по уголовному делу № 1-242/2016 от 25 июля 2016 г. URL: sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 20.04.2022).

4. Залескина А. Н., Мандарханова Л. М. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании дорожно-транспортных преступлений в случаях отказа лица от управления транспортным средством в момент совершения ДТП // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21).

5. Варданян А. В., Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе : мат-лы конф. к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск, 2016.

А. А. КУЗНЕЦОВ, Д. С. МЕРЛАКОВ**Действия следователя при поступлении сообщения о хищении, совершаемом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий**

Исследуются некоторые особенности организации деятельности следователя по рассмотрению сообщений о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Выявлены основные проблемы, препятствующие эффективному противодействию преступности. Обобщен практический опыт, предложен алгоритм необходимых действий следователя по проверке таких сообщений. Обращается внимание на работу подсистемы программно-технического комплекса интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня «Дистанционное мошенничество».

Ключевые слова: дистанционные преступления, хищения, информационно-телекоммуникационные технологии, алгоритм действий следователя

Внедрение в повседневную жизнь информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих эффективность процесса сбора, обработки, хранения, предоставления и распространения информации, имеет решающее значение для структурных преобразований в экономике государства, повышения уровня благосостояния граждан. В современном информационном обществе стали активно развиваться виртуальные отношения, увеличивается качество, скорость, доступность получения гражданами различных электронных сервисов. Применение технологий дистанционного банковского обслуживания обеспечивает удобный доступ клиентов к банковским услугам и операциям, однако создает дополнительные риски, увеличивается количество совершаемых хищений денежных средств с банковских счетов физических и юридических лиц. Высокая степень латентности указанных преступлений, организованность лиц, их совершающих, деятельность преступников по сокрытию следов преступления негативно влияет на эффективность работы по раскрытию и расследованию данных преступлений.

Одной из основных задач противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является разработка криминалистического обеспечения расследования указанных преступлений, которое в полной мере должно способствовать совершенствованию деятельности следственных подразделений.

Расследование таких преступлений невозможно без соблюдения специализации следователей, организации надлежащего взаимодействия с органом дознания, без помощи специалистов. Кроме того, для повышения результативности расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, требуется привлечение высококвалифицированных сотрудников, владеющих не только приемами

и методами следственной работы, но и знаниями в области функционирования компьютерных средств и сети Интернет.

Необходимо отметить, что существующие недостатки в деятельности правоохранительных органов по борьбе с данными видами преступлений за последние годы планомерно устраняются. Так, можно констатировать активную разработку теоретических положений [1; 2], в частности методики расследования преступлений, совершаемых дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, знание которых позволяет правильно организовать расследование и определить типовые следственные версии [3; 4].

Способы совершения преступлений рассматриваемой категории постоянно совершенствуются злоумышленниками, в связи с чем обобщение положительного опыта и внедрение практических рекомендаций по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений на начальном этапе досудебного производства имеет существенное значение¹.

Безусловно, положительным примером является внедрение опыта организации и ведения электронного документооборота с банками и кредитными организациями, с компаниями, предоставляющими услуги сотовой связи, что значительно ускорило исполнение поступающих запросов следователей о предоставлении информации.

Стоит отметить, что принимаются меры по повышению профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел при реализации рабочих программ учебных дисциплин «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», «Методы и способы получения доказательств и информации с электронных носителей», «Практикум по работе со следами преступления» в ведомственных учебных заведениях с привлечением к занятиям сотрудников, имеющих практический опыт по раскрытию и рас-

¹ Особенности раскрытия преступлений и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : методические рекомендации Управления МВД России по Омской области. Омск, 2021.

следованию преступлений, совершаемых с использованием информационных-телекоммуникационных технологий.

Позволяет повысить эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел по противодействию указанным преступлениям создание новых оперативно-справочных учетов. Так, для информационно-аналитического обеспечения мероприятий по выявлению, раскрытию и расследованию IT-преступлений приказом МВД России от 22 апреля 2020 г. № 236 введена в эксплуатацию подсистема программно-технического комплекса интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня «Дистанционное мошенничество»². Приказом МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925 закреплена временная инструкция по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»³. Обратим внимание, что данная подсистема позволяет накапливать и сопоставлять содержащуюся информацию, направленную на раскрытие и расследование преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Обстоятельства, подлежащие установлению в стадии возбуждения уголовного дела, зависят от содержания диспозиции уголовно-правовой нормы, по признакам которой возбуждается уголовное дело. В соответствии со ст. 146 УПК РФ, регламентирующей принятие решения о начале расследования, уголовное дело может быть возбуждено в пределах компетенции, установленной законом, лишь при наличии повода и основания. Прямыми обязательными задачами сотрудников правоохранительных органов на этапе рассмотрения сообщения о преступлении является определение источника информации о преступлении как законного повода для возбуждения уголовного дела, для чего необходимо правильно закрепит полученные сведения о происшедшем.

Относительно реализации правил территориальной подследственности необходимо обратить внимание на то, что при проведении проверки по сообщению о преступлении, совершенном с использованием средств информационных-телекоммуникационных технологий, часто возникают трудности в определении места совершения и окончания преступления, необходимости передачи сообщения по подследственности, что приводит к несвоевременному принятию решения о возбуждении уголовного дела и утрате доказательств [5, с. 22].

Приказ МВД России № 196 от 3 апреля 2018 г. «О некоторых мерах по совершенствованию орга-

низации раскрытия и расследования отдельных хищений» предписывает принимать решения о возбуждении уголовного дела в органе внутренних дел, в который поступило сообщение о преступлении. Указанное управленческое решение в определенной степени унифицирует порядок рассмотрения сообщения о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таким образом, при поступлении сообщения о преступлении необходимо проводить проверку и принимать решение, предусмотренное пп. 1, 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, уполномоченными сотрудниками органа внутренних дел, на территории обслуживания которого принято сообщение о преступлении. В дальнейшем в ходе предварительного расследования в случае установления оснований, предусмотренных ст. 152 УПК РФ, материалы уголовного дела направлять по подследственности [6, с. 59].

Не следует забывать и об оперативности принимаемых решений. Если в течение суток признаки преступления устанавливаются, то решение о проведении полноценного расследования должно приниматься незамедлительно по результатам проверочных мероприятий и неотложных следственных действий [7, с. 318]. В процессе дальнейшего расследования следователю необходимо провести анализ результатов ответов на запросы (в том числе использование практики привлечения виновных лиц к административной ответственности за ненадлежащее исполнение запросов следователя), осуществить профилактические мероприятия, выработать направления работы с операторами связи и кредитными организациями по заключению соглашений об электронном документообороте, провести сверку по подсистеме ПТК «ИБД-Ф» «Дистанционное мошенничество» и т. п.

При получении сообщения о совершении в отношении лица преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий предусмотрен следующий алгоритм действий следователя:

1. При наличии признаков преступления принимается решение о возбуждении уголовного дела и проводятся все необходимые процессуальные и следственные действия по «горячим следам». Речь прежде всего идет о получении объяснения или проведении допроса потерпевшего (если уголовное дело возбуждено) с учетом способа совершения преступления. Набор минимальных сведений может содержать информацию об описании способа преступления, даты и времени, а также номер, с которого поступил звонок, содержание разговора со злоумышленником. В случае общения злоумышленника с пострадавшим в процессе совершения преступления должны быть получены сведения о возможности опознания его по

² О вводе в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»: приказ МВД России от 22 апреля 2020 г. № 236. Доступ из справ.-правовой системы «СтрасЮрист».

³ Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»: приказ МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925. Доступ из справ.-правовой системы «СтрасЮрист».

признакам внешности или голосу. Подлежат выяснению, на какой счет или с какой банковской карты переведены похищенные денежные средства, какие терминалы кредитных организаций использовались для внесения денежных средств, какова сумма причиненного ущерба и иные сведения. Дополнительно потребуется получение оперативных сведений от пострадавшего в зависимости от вида хищения. Так, при краже денежных средств под предлогом оплаты услуги, реализации товара выясняется, какие сайты использовал потерпевший (Drom.ru, Avito.ru, Cian.ru и другие), по каким ссылкам проходил для оформления заказа и оплаты покупки и т. п.

Во время получения объяснения или при допросе заявителя в целях последующего решения вопроса о признании его потерпевшим от преступных посягательств следует выяснить размер причиненного ущерба, его значимость применительно к расходам и доходам пострадавшего.

2. Следователь самостоятельно или по его поручению сотрудник органа дознания проводит мониторинг сети Интернет и последующий осмотр объявлений, на которые ссылается потерпевший.

3. Производится осмотр места происшествия (как места преступления, так и микропроцессорного устройства, при использовании которого заявитель установил факт совершенного преступления).

4. Осуществляется осмотр мобильного телефона потерпевшего на предмет определения номера, с которого поступил звонок, программ онлайн-банков, записи голоса звонившего, истории посещения интернет-страниц. При необходимости распечатывается информация и приобщается к протоколу осмотра предмета. Телефон признается вещественным доказательством [8, с. 75].

5. Осматриваются документы, которые представляет пострадавший, содержащие сведения о хищении (информация о телефонных соединениях между абонентами (входящих и исходящих); чеки о проведенных банковских операциях; выписки о движении денежных средств по банковским счетам и иные). Подобные сведения можно получить у потерпевшего через его личный кабинет.

6. В зависимости от способа преступления и полученной информации от пострадавшего направляются соответствующие запросы в кредитные организации (для получения сведений о банковских счетах, на которые поступили денежные средства, номерах банкоматов и их принадлежности кредитным организациям и т. п.); операторам связи, компаниям, предлагающим сервисы агрегатора такси (для получения сведений о заказах такси, данных об оплате услуги, об иных заказах, которые были сделаны с использова-

нием того же аккаунта); организациям, являющимся организаторами или арендодателями хостинга⁴ (при помощи интернет-ресурса *reg.ru.*, *who.is* установить организатора, арендодателя хостинга доменного имени и затем дополнительно направить запрос о дате и времени заведения почтовых ящиков, персональных данных, указанных при регистрации электронного ресурса, IP-адреса сайта, анализ Cookie-файлов⁵, сведений о произведенной оплате хостинга); в интернет-сервисы, на которых размещены объявления.

В случаях использования для звонков IP-телефонии⁶ следует запросить у оператора сотовой связи сведения о лице, с которым заключен договор на использование номера телефона, оплате интернет-трафика для звонков, платежных системах, с которых происходила оплата. Номер телефона оператора связи можно установить на сайтах: *spravportal.ru*, *kody.su.ru*. При использовании программ по подмене номера следует настаивать на достаточно длительный процесс установления абонентского номера, который использовал преступник. Следует изучить протоколы соединений абонентского номера потерпевшего (через его личный кабинет или по постановлению суда у оператора связи) и направить запрос в целях определения, откуда поступил звонок потерпевшему (интернет-провайдер или компания по предоставлению услуги IP-телефонии). По получении ответа направить запрос в соответствующую организацию о предоставлении регистрационных данных об абоненте.

7. При наличии сведений о банкоматах истребуются находящиеся в данных устройствах видеозаписи. С учетом времени транзакции выделяются лица, обналичившие денежные средства. В дальнейшем работа по выяснению его личности может проводиться с учетом осмотра видеозаписей камер наружного наблюдения, в том числе установленных на улицах города.

8. Ходатайствуется перед судом о производстве следственного действия, касающегося получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

9. Направляется ходатайство в суд о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на банковских счетах, электронных кошельках, лицевом счете абонентского номера подозреваемого.

10. Назначается судебная компьютерная экспертиза в отношении изъятых в ходе осмотра предметов [9, с. 118].

11. Подготавливается информация для ввода в подсистему «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» о возбуждении уголовного дела, а также основные сведения о результатах проведения следственных процессуальных действий. В последующем

⁴ Услуга по предоставлению ресурсов для размещения информации на сервере.

⁵ Минимальные текстовые файлы, в которых браузер записывает данные с посещенных файлов, чтобы не истребовать логин, пароль.

⁶ Набор коммуникаций протоколов, технологий и методов, обеспечивающих набор, дозвон, голосовое сообщение, видеосообщение по сети Интернет. Сигнал передается в цифровом виде, что позволяет интегрировать телефонию с сервисами Интернета.

при проведении расследования к данной подсистеме придется возвращаться неоднократно.

12. При обнаружении совпадений при проверке по ПТК «ИБД-Ф» «Дистанционное мошенничество» по реквизитам уголовных дел, по которым проводится расследование в других регионах, а также при получении сведений об анкетных данных лиц, на которых оформлены документы, используемые при совершении преступлений, рассматривается вопрос о возможности их допроса в порядке ст. 189¹ УПК РФ и в случае необходимости — последующей передачи материалов для расследования в те подразделения, где лица, совершившие преступления, установлены.

13. Подготавливаются поручения в оперативные службы для выявления лиц, причастных к совершению преступления; об установлении анкетных данных лиц, с которыми были заключены договоры об

оказании услуг связи и номера которых были использованы преступниками и т. п.

14. В случае установления подозреваемого и возбуждения уголовного дела проводится его допрос, обыск по месту жительства, работы; возбуждается ходатайство перед судом о наложении ареста на имущество, денежные средства, находящиеся на банковских счетах.

По результатам проверки сообщений о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следователь принимает одно из решений в соответствии со ст. 145 УПК РФ. При возбуждении уголовного дела должны быть приняты необходимые меры по сохранению следов преступления, а дальнейшее расследование будет проводиться в зависимости от складывающейся следственной ситуации и объема полученных сведений по результатам проведенных ранее действий.

Список литературы

1. *Голятина С. М.* Методика расследования хищений электронных денежных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022.
2. *Гаспарян Г. З.* Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
3. *IT-справочник следователя / под ред. д-ра юрид. наук В. С. Зуева.* М., 2019.
4. *Земцова С. И., Суров А. О., Галушин В. П.* Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов : учеб. пособие. Красноярск, 2019.
5. *Кузнецов А. А., Бондарева Е. В.* Правила определения подследственности дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств сотовой связи // Уголовный процесс. 2015. № 7(127).
6. *Мерлаков Д. С.* Отдельные проблемы организации деятельности в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. № 15.
7. *Соколов А. Б., Мерлаков Д. С., Мазунин Я. М.* Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 4(83).
8. *Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов [и др.].* М., 2019.
9. *Соколов А. Б., Сысенко А. Р.* Назначение и производство компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети Интернет: проблемы теории и практики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1(17).

УДК 343.98

Я. М. МАЗУНИН, П. Я. МАЗУНИН**О тактике допроса лица, привлекаемого для опознания в качестве опознающего**

Рассматриваются вопросы, посвященные тактике допросов лиц, привлекаемых к предъявлению для опознания в качестве опознающих, об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Подчеркивается роль информации, полученной во время допросов данных лиц, для оценки доказательственного значения результатов предъявления для опознания.

Ключевые слова: предъявление для опознания, приметы и особенности внешности, узнавание, опознающий, опознаваемый

Выполнение задач уголовного судопроизводства во многом зависит от объема и качества доказательственной информации, получаемой в основном из показаний лиц, привлекаемых для опознания, и результатов проведенного предъявления для опознания. По мнению В. В. Романова, для следственной (судебной) практики наибольший интерес представляет вариант опознавательного процесса, получивший название идентификации (установления тождества) объекта-стимула с помощью образа, запечатленного в памяти человека, опознающего предъявляемый ему объект в группе других однородных объектов [1, с. 588]. Таким образом, предъявление для опознания является процессом, в результате которого предъявляемый объект соотносится с ранее сформированным психическим образом, т. е. образ текущего восприятия сравнивается с образом, хранящимся в памяти. Объектами опознания могут быть люди (подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие — они опознаются по признакам внешности, функциональным признакам, особенностям голоса и речи); трупы и их части; животные; различные предметы; документы; помещения; участки местности. Для опознания предъявляются как реальные объекты, так и их изображения в целях установления индивидуального, а иногда и группового тождества.

Для улучшения качества проведения опознания считается необходимым учитывать факторы, которые могут повлиять на достоверность информации: социальные и психологические признаки носителей информации, их физическое и психологическое состояние, мнение по поводу произошедшего [2, с. 138–152].

Существует достаточно большое количество определений психологической сущности процесса опознания. Нам наиболее верной представляется точка зрения Ю. В. Чуфаровского, который полагает, что «с психологической точки зрения опознание представляет собой следственное действие, при котором лицо сравнивает предъявляемые ему объекты, сопоставляет их с мысленными образами объектов, воспринятых им ранее — в момент совершения преступления, и на этой основе приходит к выводу об их тождестве, сходстве или различии» [3, с. 394].

В отечественной и зарубежной психологической литературе описано множество различных факторов, определенным образом влияющих на точность опознания.

Основные из них можно разделить на три группы:

1) объективные — условия, при которых происходило восприятие, особенности воспринимаемых объектов, т. е. факторы, которые не зависят от субъекта восприятия, но могут быть тесно с ним связаны (продолжительность и частота восприятия объектов, время суток, когда произошло преступление, расстояние между субъектом и объектом опознания и т. д.);

2) субъективные — факторы, влияющие на формирование мысленного образа, т. е. психологические и физиологические особенности, характеризующие конкретного человека (установки и эмоциональное состояние опознающего, уровень интеллекта опознающей личности, возраст и пол субъекта и объекта опознания и т. д.);

3) условия непосредственно процедуры опознания — содержание инструкции свидетеля, последовательность предъявления членов группы опознания, выбор ведущего опознание и т. д. [4, с. 3].

В соответствии с ч. 2 ст. 193 УПК Российской Федерации опознающие лица должны быть предварительно допрошены об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать.

При этом нельзя не отметить, что закон не содержит каких-либо указаний на минимальный возраст, начиная с которого лицо может давать показания и быть участником предъявления для опознания. Таким образом, субъектом опознания могут быть не только взрослые, но и дети. В то же время возможность привлечения ребенка к опознанию будет зависеть как от степени его развития и способности к восприятию, так и от природы объекта опознания и условий его восприятия.

Во время допроса лиц, привлекаемых к предъявлению для опознания, должны устанавливаться обстоятельства, при которых они наблюдали соответствующий объект, подлежащий опознанию, его

признаки и приметы. Указанные сведения, как правило, должны выясняться при первом же допросе. Если они не были установлены, то следует выяснить их во время дополнительного допроса.

Объем сведений, изложенных при допросе, предшествующем опознанию, может оказать влияние на такие факторы, как: получение подробных сведений о приметах человека или признаках предмета, которые облегчают их розыск; правильный подбор предъявляемых объектов; гарантированность достоверности опознания и правильной оценки полученных результатов при производстве предъявления для опознания. Выясняя обстоятельства, при которых наблюдался объект, следователю необходимо установить объективные и субъективные факторы, способные влиять на полноту и правильность восприятия: в каком состоянии был допрашиваемый во время исследуемого события, в процессе наблюдения и после того; на что было направлено его внимание, продолжительность восприятия; условия освещения; и др. Для оценки объективности показаний допрашиваемого выясняется, не страдает ли он дефектами зрения и слуха.

Приступив к допросу по поводу примет воспринимавшегося ранее человека, следователь должен предложить допрашиваемому рассказать все, что он помнит об интересующем следствии событии и его участниках. Во время рассказа целесообразно делать черновые записи, фиксируя приметы, называемые допрашиваемым. В целях проверки соответствия показаний действительности могут быть заданы контрольные вопросы.

Если сведения, сообщенные допрашиваемым лицом во время свободного рассказа, обоснованны, но недостаточны, задаются уточняющие вопросы, направленные на восполнение описания словесного портрета. Очередность вопросов, касающихся описания отдельных признаков частей тела человека, должна соответствовать принятой в криминалистике системе описания по методу словесного портрета. При этом выясняются: пол; рост; примерный возраст человека; его телосложение; осанка; форма, размеры и положение головы и частей лица (лба, бровей, глаз, носа, рта, подбородка, ушей). Если человек был без головного убора — форма и цвет волос, характер стрижки. Особое внимание уделяется бросающимся приметам лица: шрамы, родимые пятна, татуировки и т. п. Могут иметь значение сведения о признаках одежды: ее вид, цвет, размеры, покрой, материал, состояние, имеющиеся дефекты.

Чтобы помочь допрашиваемому описать внешность человека, следователь может использовать средства наглядной демонстрации: рисунки, диапозитивы с изображением отдельных частей лица человека, цветковые таблицы, компьютерные, композиционные портреты.

Показания фиксируются в протоколе допроса. При этом выражения и термины, используемые до-

прашиваемым при описании тех или иных предметов, не могут изменяться следователем при записи с использованием криминалистической терминологии. В то же время не должны удовлетворять показания допрашиваемого, в которых он, описывая человека, употребляет оценочные выражения, не дающие определенного представления о человеке: «высокого роста», «лицо красивое» или «некрасивое», «фигура спортивная» и т. д. Сохраняя эти выражения в протоколе допроса, следователь путем уточняющих (конкретизирующих) вопросов должен добиться того, чтобы допрашиваемый подтвердил данные им определения описанием конкретных примет и особенностей. Например, указывая на рост человека, не только указать, что он высокий, а использовать метрические формы измерения роста человека.

Выслушав показания допрашиваемого, задав уточняющие и конкретизирующие вопросы, а также выявив противоречия в показаниях или несоответствие суждений допрашиваемого общепринятым представлениям, известным фактам, следователю необходимо обратить на это внимание допрашиваемого, приняв меры к устранению противоречий. При этом он не должен озвучивать свою точку зрения и подсказывать сведения, касающиеся примет опознаваемого.

Заканчивая допрос, следователю нужно выяснить у допрашиваемого, сможет ли он опознать лицо, приметы которого были им перечислены, среди других лиц.

В некоторых случаях, когда допрашиваемый не может назвать примет лица или предмета, целесообразно рассмотреть вопрос о проведении повторного допроса. Это обусловлено тем, что может иметь место кратковременная потеря памяти, произошедшая в силу свойств организма данного человека (например, перенапряжение нервных клеток). В последующем, после отдыха опрашиваемый часто вспоминает забытое. В некоторых случаях первоначальное восприятие, последовавшее сразу после восприятия, оказывается менее полным, чем отложенное на два-три дня.

Если при повторном допросе не только выясняются дополнительные сведения о приметах лица, но дается иное описание тем приметам, о которых говорилось на первом допросе, следователь должен уточнить причины изменения показаний.

Иногда при допросе несколько человек, которые в последующем будут опознающими, по-разному описывают одного и того же человека, подлежащего опознанию. В таком случае следует выяснить причину этого.

В следственной практике были ситуации, когда каждый из видевших одного и того же преступника правильно описывал его внешность, но при этом допрошенные акцентировали внимание на разных признаках. При предъявлении же преступника все ранее допрошенные лица опознали его.

При необходимости проведения опознания с участием потерпевшего или другого лица, состояние здоровья которого вызывает опасения (тяжело раненого, престарелого и т. д.) или же при допросе которого выявились обстоятельства, говорящие о его возможной психической неполноценности, необходимо предварительно получить заключение врача о способности опознающего достаточно правильно воспринимать происходящее и давать полноценное объяснение. В сложных случаях для этой цели может быть назначена судебно-психологическая или судебно-психиатрическая экспертиза.

С учетом зафиксированных при допросе признаков внешности и условий, в которых опознающий наблюдал человека, следователь принимает решение о целесообразности (нецелесообразности) опознания. Не следует забывать, что «неопознание — не просто отсутствие одного из доказательств, а „противодоказательство“, если предъявлялся человек, действительно совершивший преступление. Данное лицо будет использовать факт своего неопознания на всех этапах следствия и судопроизводства» [5, с. 654–655].

Таким образом, предъявление для опознания как следственное действие заключается в отождествлении конкретного объекта по мысленному образу, сохранившемуся в сознании опознающего лица. При этом считается, что при проведении предварительного допроса воспроизведение точного описания внешности помогает выразить мысленный образ, систематизировать запоминание, сделать его более длительным и четким, а также мобилизовать память, что приведет к успешному опознанию [6, с. 43–44]. В то же время нельзя не отметить ситуацию, когда опознающий при допросе заявляет, что опознать лицо сможет, но не может указать четких примет воспринимаемого им ранее лица. Тогда прибегают к опознанию «по общему образу».

Сложность этой ситуации заключается в том, что, по мнению отдельных криминалистов, если допрашиваемое лицо не указало точные приметы воспринятого им ранее лица, то последующее предъявление для опознания утрачивает доказательственное значение. Если из предварительного допроса неясно, по каким причинам допрашиваемый не указал приметы лица, подлежащего опознанию, либо заявил, что не рассмотрел его приметы, а впоследствии опознал предъявленного, ценность такого опознания, считают они, весьма сомнительна.

При этом Ю. Г. Корухов указывает, что «необходимо, чтобы опознающий не только назвал признаки, по которым он опознает лицо, но и чтобы он охарактеризовал их так же, как ранее при допросе» [7, с. 27].

В определении Верховного Суда СССР по делу В. подчеркивалось, что «опознание лица только по общим признакам, лишенным индивидуального характера, и при отсутствии других объективных до-

казательств не может быть положено в основу обвинения»*.

Нельзя не согласиться с тем, что большее доказательственное значение имеет простая следственная ситуация, нежели сложная. Однако нам ближе позиция тех авторов, которые, основываясь на психологических особенностях и закономерностях функционирования психических явлений формулируют свое суждение о том, что не менее важное доказательственное значение имеет опознание в сложной ситуации. Это обусловлено тем, что одним из важных психических процессов при идентификации объекта является узнавание.

Мы поддерживаем суждение Л. Ф. Ивановой и Д. С. Иванова, что память человека способна хранить большое количество образов из предшествующего опыта, но информация не всегда запоминается в полном объеме. Часто визуальный материал при его исследовании структурируется за счет отторжения ненужного или не имеющего значения и запоминания только главного. Даже когда субъект воссоздал картину происшествия в полном объеме, он не в состоянии ответить на детализирующие вопросы, такие как форма головы и пропорции лица (лоб, брови, глаза, нос, рот, подбородок, уши). При узнавании целого объекта совсем не обязательно узнавать все его отдельные части. Многие идентифицирующие объект признаки не воспринимаются или воспринимаются неполно. Однако предмет узнается [8, с. 22].

Изложенное позволяет сделать вывод, что способность описать объект не исключает возможности безошибочного опознания, как и правильное описание не исключает ошибки при опознании.

Это позволило Д. А. Степаненко и И. М. Егереву высказать суждение о том, что «даже в случае отсутствия полного описания признаков лица предъявление для опознания необходимо проводить» [9, с. 26].

Таким образом, опознание, проведенное по «общему образу» должно иметь доказательственное значение. При этом некоторые авторы, обосновывая данную точку зрения, отмечают так называемый эмоциональный фактор восприятия, когда воспринимается не отдельная деталь лица, а человек в целом. Это обусловлено тем, что опознание «по общему образу» возможно, так как отвечает всем закономерностям восприятия, в том числе эмоциональным факторам, и человек может в дальнейшем вспомнить необходимые детали [10, с. 29]. В любом случае опознание по «общему образу» будет иметь тактико-криминалистическое значение. По мнению отдельных авторов, в следственной практике нередки случаи, когда сам факт опознания преступника без указания отличительных примет оказывал сильное психологическое влияние на опознаваемого и приводил его к даче достоверных показаний о совершении преступления [11, с. 48].

* Бюллетень Верховного Суда СССР. 1956. № 4.

Список литературы

1. Романов В. В. Юридическая психология : учебник : 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
 2. Эминов В. Д., Ищенко Е. П. Следственные действия — основа раскрытия преступлений: психолого-криминалистический анализ : практ. пособие. М., 2015.
 3. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М., 2010.
 4. Фадеева Д. А., Сафуанов Ф. С. Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера // Психологическая наука и образование. 2011. № 1.
 5. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999.
 6. Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976.
 7. Корухов И. Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде : лекция для студентов ВЮЗИ. М., 1968.
 8. Иванова Л. Ф., Иванов Д. С. Предъявление для опознания (психологический аспект) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 2.
 9. Степаненко Д. А., Егоров И. М. Психологическая сущность предъявления для опознания (тактико-криминалистические аспекты). Иркутск, 2006.
 10. Крикунов А. Е., Маевский А. Ф. Тактика и психологические основы предъявления для опознания. Киев, 1977.
 11. Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976.
-

УДК 343.985

М. С. ДЕСЯТОВ**Правоприменительное усмотрение в оперативно-розыскной деятельности: подходы к определению понятия и содержания**

Правоприменение как особая форма реализации права характеризуется наличием ряда особенностей, не присущих иным формам. К их числу относится правоприменительное усмотрение как реакция государственных органов на несовершенство (неопределенность) законодательства. В статье акцент сделан не столько на теоретических предпосылках возникновения и развития правоприменительного усмотрения, сколько на его современном понимании. В связи с этим правоприменительное усмотрение исследуется в широком и узком смыслах, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности. Сформулировано авторское понятие правоприменительного усмотрения в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: правоприменение, усмотрение, судебное усмотрение, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное правоприменительное усмотрение

По мнению В. Г. Антропова, проблему правоприменительного усмотрения «лишь с исключительно большими оговорками можно полагать уходящей корнями в древность» [1, с. 11]. Вместе с тем первые попытки поиска научного содержания термина «усмотрение» можно обнаружить еще в произведениях античности [2, с. 123; 3, с. 145; 4, с. 640; 5, с. 72], что само по себе свидетельствует о глубине рассматриваемой проблемы. Тем не менее контекст неоднократно менялся в той или иной сфере применения данного понятия, в результате чего при должном упорстве можно обнаружить политический, идеологический, интеллектуальный, психологический и прочие смыслы понятия «усмотрение». Нас в большей степени интересует собственно правоприменительное усмотрение, которое появилось сравнительно недавно.

Анализируя его суть, стоит сказать, что появление правоприменительного усмотрения, по нашему мнению, обусловлено изначальной неспособностью государства (читай — законодателя) создать такие условия правоприменения, при которых любые обстоятельства будут предсказуемыми, понятными и годными к оценке правоприменителем. Неспособность законодательного предвидения неумолимо стремится к созданию регулятивного механизма, способного применять действующие нормы права. Этим механизмом, на наш взгляд, является усмотрение правоприменителя.

Справедливости ради отметим, что проблемы усмотрения волновали не только правоведов, но и представителей других отраслей знаний: политологии [6, с. 198], социологии [7, с. 163], психологии [8; 9] и пр. Мы осознанно не станем углубляться в полученные авторами результаты, однако оставим за собой право обращаться по мере необходимости и целесообразности к их трудам.

С сожалением приходится констатировать, что в области юриспруденции вопросы правоприменительного усмотрения традиционно рассматривались с позиции судебной деятельности как одной из наиболее сложных и многовариантных разновидностей правоприменения. Стоит сказать, что в заинтересованных

кругах отношение к правоприменительному усмотрению нельзя однозначно назвать положительным.

Одним из первых обратил внимание на эту проблему известный российский и советский ученый-юрист П. И. Люблинский, который посвятил себя изучению судебскому усмотрению. Полагаем, что с некоторыми оговорками и извлечениями полученные им результаты могут быть применимы и сегодня в контексте предмета нашего исследования. Широко известен его подход к характеристике усмотрения: определению его как положительного и в то же время отрицательного явления. Положительным, по П. И. Люблинскому, усмотрение выступает как право «свободно-целесообразной оценки» указанных в законе оснований применения права в рамках имеющих у органа полномочий. Отрицательным же оно является в силу наличия свободы действий правоохранительных органов от законодательного регулирования [10, с. 3–4].

И. А. Покровский довольно резко замечает, что судья обязан опираться исключительно на закон, а не на «какое-нибудь естественное право или общие представления о справедливости, целесообразности и тому подобные, вне закона лежащие, инстанции» [11, с. 94]. Об этом же говорил и знаменитый российский юрист А. И. Елистратов, который противопоставлял закон и усмотрение, считая последнее угрозой сбалансированным общественным отношениям. «Преимущества закона перед усмотрением огромны: вместо капризности, неопределенности и неустойчивости, которыми отличается усмотрение, обыватель получает в законе выгоды обдуманности, определенности и твердости», — писал ученый [12].

По мнению М. Толчеева, судебскому усмотрению, понимаемого как некая свобода выбора, не существует вовсе, поскольку, по мнению автора, у судьи нет никакой свободы, он вправе лишь принять единственно верное решение, руководствуясь законом и правом. При этом автор допускает, что закон не всегда позволяет это сделать без усмотрения судьи, но право такое решение содержит всегда [13, с. 5].

Противоположную позицию высказывают Р. С. Вахитов и Е. С. Севастьянова, которые связывают судебское усмотрение только с наличием правовых пробелов и особенностями работы с доказательствами [14, с. 41], а О. А. Попкова и вовсе высказывает архаичные, на наш взгляд, предположения о зависимости судебного усмотрения исключительно от принципа справедливости [15, с. 10].

Думается, каждый из указанных ученых по своему прав, однако нам близка позиция О. В. Берг: судебское усмотрение ограничено закрепленной в законах и подзаконных актах волей законодателя, определившей верхние и нижние границы применения судьей той или иной нормы [16, с. 9], а усмотрение может рассматриваться исключительно в неразрывной связи с законом, когда сам законодатель «предлагает» правоприменителю различные варианты действий [17, с. 63].

Традиционно исследователи рассматривают усмотрение в широком (как правовую категорию) и узком (как разновидность правоприменительной деятельности конкретного уполномоченного субъекта) смыслах. Сторонники первого подхода, как правило, приходят к сходным и довольно устоявшимся результатам. Так, по мнению А. П. Коренева, усмотрение представляет собой «определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу» [18, с. 73]. В последующем высказанная позиция была закреплена и развита В. Н. Дубовицким, включившим в сферу применения усмотрения не только правоприменительную, но и нормотворческую деятельность [19, с. 25], И. А. Минникес, который добавил в качестве цели усмотрения принятие целесообразного и справедливого решения [20, с. 327], а также Ю. А. Тихомировым, по мнению которого, необходимо вести речь о мотивированном выборе для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции [21, с. 159]. Аналогичной точки зрения придерживается А. А. Березин [22, с. 13].

Немного иначе, как «предоставленную правом властную, интеллектуально-волевою деятельность правоприменителя по выбору субъективно-оптимального решения», определяет правоприменительное усмотрение В. Г. Антропов [23, с. 14]. Д. В. Бойко в свою очередь предлагает рассматривать усмотрение в трех значениях: как процесс, как результат и как институт права. Как процесс «правоприменительное усмотрение выступает в виде интеллектуально-волевой деятельности правоприменителя по определению варианта решения юридического дела в ситуации отсутствия нормативного регулирования (пробел в праве) или отсутствия в праве однозначного решения юридического дела (правовая неопределенность)». Говоря об усмотрении как о результате, автор предлагает вести речь о принятии правоприме-

нителем решения, в основу которого положена закрепленная законом свобода выбора, а также внутреннее убеждение, причем это связывается с обстоятельствами, когда в праве отсутствует однозначный вариант разрешения сложившейся ситуации. В качестве института права ученый определяет усмотрение как правовую возможность правоприменителя выносить решение на основе внутреннего убеждения по делу, «регулировать которого возможно в оговоренных законом рамках или вообще не предусмотрено нормой права» [24, с. 10].

Переходя к рассмотрению правоприменительного усмотрения в узком смысле, обратим внимание, что правоприменительное усмотрение в оперативно-розыскной деятельности имеет относительно неглубокие исторические корни, поскольку, как известно, последняя регламентировалась весьма продолжительное время лишь ведомственными нормативными правовыми актами, имеющими ограничительный гриф распространения. Безусловно, это обстоятельство предопределило двоякое отношение к оперативно-розыскной деятельности. Одними авторами она трактовалась как «полулегальная», что обусловлено тайным характером проводимых мероприятий и отсутствием прозрачности и возможности всестороннего, в том числе общественного, контроля. Другие, напротив, видели в этой деятельности некую свободу действий правоприменителя, который, в отличие от следователя, не был столь ограничен законом в сроках проведения мероприятий, способах закрепления их результатов, приемах и методах получения оперативно значимой информации и т. д. Безусловно, речь не идет о безграничных возможностях оперативно-розыскных органов, соответствующие приказы определяли и определяют ограничительные основания и условия осуществления оперативно-розыскной деятельности. Тем не менее, полагаем, что такое отношение к оперативно-розыскной деятельности создало предпосылки формирования уникального правоприменительного усмотрения, которое даже с принятием первого законодательного акта в исследуемой сфере не только не утратило своей актуальности, но и получило новый импульс в развитии.

Заметим, что в обнаруженных нами источниках вопросы правоприменительного усмотрения в оперативно-розыскной деятельности если и рассматривались, то, как правило, в прикладном аспекте [25, с. 10; 26, с. 313; 27, с. 120]. Должного внимания этому институту оперативно-розыскного права с позиции теории оперативно-розыскной деятельности авторы, к сожалению, не уделяют. Думается, указанное создает серьезные предпосылки к искаженному толкованию оперативно-розыскного усмотрения, которое воспринимается многими юристами как тождественное или близкое по смыслу таким явлениям, как произвол, самоуправство, безнаказанность и пр. Представляется, что такой подход не только обедняет оперативно-розыскную теорию, но и ставит под

сомнение легитимность рассматриваемой правовой категории. При этом усмотрение, являясь на сегодняшний день не закрепленной в праве исключительно теоретической категорией, способно, на наш взгляд, влиять на существующую правоприменительную практику, что требует ее глубокого осмысления.

Было бы необоснованным и несправедливым утверждать, что правоприменительное усмотрение в оперативно-розыскной деятельности в силу указанных выше оснований по своей природе не имеет ничего общего с правоприменительным усмотрением вообще. Безусловно, это не так. Однако можно уверенно согласиться с мнением В. Г. Антропова, что «к настоящему времени российская юриспруденция имеет относительно небольшое число отраслевых исследований усмотрения с более или менее успешными попытками по его обобщению и классификации на общетеоретическом уровне» [23, с. 27].

Максимально широко рассматривает правоприменительное усмотрение Н. А. Власенко, рассуждая о нем как о способе перехода от неопределенности к определенности в праве, оценивает его как объективно существующее и социально оправданное правовое явление, неизбежный спутник правоприменительной деятельности [28, с. 12].

К числу наиболее удачных, на наш взгляд, можно отнести предложенное А. П. Корневым понятие административного усмотрения — определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного управленческого дела, которая предоставляется в целях принятия оптимального административного акта [29, с. 49]. Как видно, автор строит свои умозаключения на восприятии усмотрения как волевого акта правоприменителя, в основу которого положено свободное восприятие им того или иного обстоятельства. Усиливая эту позицию, В. В. Лазарев утверждает, что усмотрение предполагает решение дела исходя из оснований, коренящихся в самом субъекте применения права, оно опирается на внутренние источники формирования воли, при том, что «усмотрение имеет место при отсутствии пробела в праве» [30, с. 144]. Аналогичной позиции придерживается В. Н. Дубовицкий, говоря об усмотрении как о возможности выбора по отысканию и принятию наиболее полезного, целесообразного, по мнению правоприменителя, решения, совершению или несовершению того или иного действия [31, с. 51]. Ю. П. Соловей делает акцент на неурегулированности правом оснований усмотрения, говоря о нем как об оценке фактических обстоятельств, основания (критерии) которой не закреплены в правовых нормах достаточно полно или конкретно, производимой органом (должностным лицом) при выборе в пределах, допускаемых нормативными актами, оптимального варианта решения конкретного управленческого вопроса [32, с. 192].

Несколько иную позицию занимает К. И. Комиссаров, расценивая судебное усмотрение как предо-

ставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона. «Оценивая доказательства, — пишет автор, — суд не проявляет никакого собственного усмотрения, а только свободно, вне всякого постороннего воздействия, воспринимает их, имея целью представить такими, какие они есть на самом деле» [33, с. 50]. По всей видимости, правоприменителю в названном контексте отведена пассивная роль, что, возможно, применимо к судебной процедурности, характерной особенностью которой является скрупулезная детализация процессуальных действий. Однако применительно к предмету исследования данный подход вряд ли уместен в силу специфики оперативно-розыскной деятельности, одной из характерных черт которой является активная деятельность оперативно-розыскных органов и уполномоченных лиц при минимальной законодательной регламентации соответствующих процедур. Однако Ю. А. Тихомиров административному усмотрению отводит ключевую, определяющую роль применительно к содержанию законов и актов управления, позиции и действиям государственных органов, отношению госслужащих к людям и к нуждам предприятий и организаций, именуя его «внутренним импульсом актов и действий государственных органов» [34].

В свою очередь М. К. Маликов вовсе отрицает возможность существования и реализации правоприменительного усмотрения, обосновывая свою позицию тем, что современная концепция усмотрения должна основываться на нормативном подходе, исключаящем прецедентное и субъективное (волевое) решение из законодательной и юридической практики, поскольку правопорядком как правовой основой власть не может обращаться по своему субъективному, волевому усмотрению, произвольно [35, с. 20, 47].

Вряд ли такой подход может вызвать поддержку хотя бы в силу того обстоятельства, что законодатель довольно часто указывает на неограниченный перечень чего-либо, небезосновательно используя юридическую конструкцию «иные». Например, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» этот термин в различных интерпретациях и сочетаниях используется 28 раз (что весьма значительно, если учесть его сравнительно небольшой объем); в Конституции РФ — 39 раз; в ФЗ «О полиции» — 93 раза; в УПК РФ — 384 раза; в УК РФ — 1083 раза! Разумеется, буквальное толкование термина «иной» («иная», «иные») не свидетельствует о необходимости в каждом случае его упоминания в том или ином законе говорить об усмотрении, все-таки его значение существенно шире. Более того, так называемые «оценочные» понятия («неотложные меры», «достаточные основания» и пр.) также могут расцениваться как усмотрительные. Однако стремление законодателя

не ограничивать круг некоторых объектов регулирования конкретным замкнутым перечнем в отдельных случаях свидетельствует не только о его желании предусмотреть возможные варианты изменения качественных и количественных характеристик таких объектов, но и о некоем разумном доверии к правоприменителю, который понимается изначально как представитель власти, способный принять решение не только в соответствии с буквой закона, но и согласуясь с его духом.

Как уже отмечалось, несмотря на более чем двадцатилетнюю историю существования оперативно-розыскной деятельности в «узаконенном»¹ виде, вопросы правоприменительного усмотрения на мо-

нографическом уровне не рассматривались, что, несомненно, оказывает негативное влияние на развитие теории оперативно-розыскной деятельности, ее восприятие теоретиками — представителями смежных отраслей права, а также практиками. Поэтому, принимая за основу результаты уже проведенных исследований в различных областях знания, попытаемся сформулировать понятие оперативно-розыскного правоприменительного усмотрения². *Это определенная рамками права и морали известная степень свободы должностного лица, которая дает возможность по его усмотрению оценивать юридический факт и на этой основе принимать решение о совершении правомерных действий.*

Список литературы

1. Антропов В. Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.
2. Айер А. М. Человек как предмет научного исследования // Философские науки. 1991. № 1.
3. Бюен Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1970. Т. 2.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.
5. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2.
6. Leacock B. A. Elements of Political Science. Boston, 1921.
7. McNamara. Uncertainties in Police Work: The Relevance of Police Recruits' Backgrounds and Training // Police: Six Sociological Essays. 1967.
8. Taylor R. N. Psychological Determinants of Bounded Rationality: Implications for Decision-Making Strategies // Decision Science 6. 1975.
9. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.
10. Люблинский П. И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904.
11. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Классика российской цивилистики. М., 1996.
12. Елистратов А. И. Административное право. М., 1911.
13. Толчеев М. Судейское усмотрение // ЭЖ-Юрист. 2004. № 20.
14. Вахитов Р. С., Севастьянова Е. С. Судейское усмотрение и некоторые проблемы его реализации // Арбитражная практика. 2002. № 6.
15. Попкова О. А. Пределы судебного усмотрения в гражданском процессе // Журнал российского права. 1998. № 2.
16. Берг О. В. Вопросы судебного усмотрения в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2000. № 2.
17. Лунев А. Е., Студеникин С. С., Ямпольская Ц. А. Социалистическая законность в советском государственном управлении. М., 1948.
18. Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
19. Дубовицкий В. Н. Некоторые теоретические концепции соотношения законности и усмотрения в советском государственном управлении // Социальное развитие и право. М., 1980.
20. Минникес И. А. Элементы индивидуального регулирования в административном праве (теоретические аспекты) // Черные дыры российского законодательства. 2008. № 2.
21. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Ежегодник российского права. М., 2001.
22. Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
23. Антропов В. Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.
24. Бойко Д. В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.

¹ Учитывая то обстоятельство, что до 1992 г. оперативно-розыскная деятельность была урегулирована исключительно ведомственными нормативными актами, полагаем обоснованным и корректным считать зарождение правоприменительного усмотрения с этого времени.

² Близким к предложенному является понятие, сформулированное С. Д. Селивановым и В. В. Шаргородским, которые ведут речь об административном тактическом усмотрении, что значительно уже рассматриваемого нами.

25. *Луговик В. Ф.* Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности : дис ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005.
 26. *Лугович С. М.* Оперуполномоченный как субъект оперативно-розыскных мероприятий : дис ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
 27. *Лугович С. М., Десятов М. С.* Организационная и тактическая самостоятельность оперуполномоченного как элемент его оперативно-розыскного статуса // *Полицейский сыск: научно-практический сборник.* 2015. № 4.
 28. *Власенко Н. А.* Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2017. № 1.
 29. *Корнев А. П.* Толкование и применение норм советского административного права // *Советское государство и право.* 1971. № 1.
 30. *Лазарев В. В.* Применение советского права. Казань, 1972.
 31. *Дубовицкий В. Н.* Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Минск, 1984.
 32. *Соловей Ю. П.* Усмотрение в административной деятельности советской милиции : дис ... канд. юрид. наук. М., 1982.
 33. *Комиссаров К. И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // *Советское государство и право.* 1969. № 4.
 34. *Тихомиров Ю. А.* Административное усмотрение и право // *Сейчас.ру.* URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7004> (дата обращения: 24.03.2019).
 35. *Маликов М. К.* Проблемы усмотрения правоприменителя: природа, признаки, пределы. Уфа, 1990.
-

Проблемы осуществления правосудия на стадии исполнения приговора в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации о праве осужденного на судебную защиту

Статья посвящена исследованию причин, препятствующих действию в полном объеме общепризнанных стандартов справедливого правосудия при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора. На конкретных судебных решениях авторы показывают, что замена лишением свободы ранее назначенного осужденному наказания, отмена условного осуждения без участия осужденного в судебном заседании нарушают его конституционное право на судебную защиту, влияют на исход дела.

Сделан вывод о необходимости принятия Верховным Судом Российской Федерации дополнительных мер поддержки правосудия в стадии исполнения приговора — формулирования обязательных для судей позиций по вопросам замены наказаний и отмены условного осуждения. Обосновано предложение о целесообразности устранения коллизии норм ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ и ч. 2 ст. 399 УПК РФ.

Ключевые слова: суд, судебное заседание, осужденный, наказание, замена наказания, условное осуждение, отмена условного осуждения, заключение под стражу, исполнение приговора

Рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, как отмечается в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», осуществляется в форме правосудия¹. В стадии исполнения приговора отправлен правосудия имеет специфику, не всегда учитываемую законодателем, традиционно уделяющим повышенное внимание осуществлению правосудия по уголовному делу. Обобщения практики применения норм главы 47 УПК РФ показывают, что общепринятые стандарты справедливого правосудия, в первую очередь право осужденного на эффективное участие в судебном заседании при разбирательстве его дела, не в полной мере реализуются в судебных производствах о замене на более строгое назначенного осужденному наказания и отмене условного осуждения. Чрезмерно упрощается судебный порядок разбирательства таких дел. Судебные решения о замене назначенного наказания более строгим его видом, об отмене условного осуждения, равнозначные, по сути, приговору, нередко принимаются в отсутствие осужденного, без надлежащего его извещения о дате, месте и времени судебного заседания, без принятия реальных мер к обеспечению его явки в суд, чем обесценивается конституционное право осужденного на судебную защиту.

В течение многих лет авторы проводят научные исследования феномена исполнения приговора. Участие в составе рабочих групп по подготовке названного постановления, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 43 «О внесении изменений в постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»² (далее — Постановление Пленума № 43) и изучение материалов обобщений региональными и военными судами практики применения законодательства об исполнении приговора в 2010–2011 гг., 2013–2014 гг. и 2017–2018 гг., судебных решений 2019–2021 гг. убеждают в том, что в уголовно-процессуальном законе не достигнут оптимальный уровень регламентации порядка судопроизводства по делам, указанным в ст. ст. 397–398, 400 УПК РФ. Это во многом объясняется тем, что судебными исполнительными производствами, предусмотренными главой 47 УПК РФ, свойственны автономность от производства по уголовному делу [1, с. 660–661], самостоятельная судебная процедура, в связи с чем они фактически являются особыми производствами в уголовном процессе. Поэтому возможности распространения в полном объеме на судебные исполнительные производства, с одной стороны, норм УПК РФ, регламентирующих досудебное и судебное производство по уголовному делу, а с другой — норм уголовно-исполнительного права ограничены.

Из-за законодательных пробелов, коллизии норм УИК РФ и УПК РФ суды уже длительное время испытывают определенные трудности при осуществлении данной формы уголовного правосудия. Наиболее заметны они в делах о замене на более строгое назначенного осужденному наказания (п. 2 и п. 2¹ ст. 397 УПК РФ), отмене условного осуждения (п. 7

¹ *Российская газета.* 2011. 30 дек.

² *Российская газета.* 2018. 26 дек.

ст. 397 УПК РФ). В результате замены судом принудительных работ, исправительных работ, обязательных работ, ограничения свободы, кратного штрафа лишением свободы, а также отмены условного осуждения, в исправительные колонии ежегодно направляется около 50 тыс. осужденных (2021 г. — 51,7 тыс.³). Принимаемые в этих случаях решения равнозначны новому приговору. Однако в УПК РФ, несмотря на внесение в главу 47 Кодекса более 50 изменений и дополнений 19 федеральными законами, регламент рассмотрения таких дел, включая особенности применения к осужденному мер принуждения в виде задержания и заключения под стражу, прописан недостаточно полно.

В условиях неопределенности правового регулирования и, как следствие, наличия в практике множества проблемных ситуаций, их постоянства, связанности судебных решений с ограничением свободы осужденного большая ответственность по оптимизации правосудия, осуществляемого в стадии исполнения приговора, приближению его к позициям Конституционного Суда Российской Федерации ложится на Верховный Суд Российской Федерации. Он вынужден постоянно уделять внимание данной тематике, используя полномочия, предоставленные ст. 126 Конституции России (дача разъяснений по вопросам судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации), п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (рассмотрение вопросов судебной практики Президиумом Верховного Суда Российской Федерации).

Предпринимаемые Верховным Судом Российской Федерации меры поддержки правосудия в стадии исполнения приговора

Стабильности судебной практики по многим вопросам применения законодательства об исполнении приговора, созданию условий для реализации уровня гарантий права на судебную защиту для осужденных и потерпевших при осуществлении правосудия в порядке главы 47 УПК РФ способствовало принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации с участием одного из авторов статьи 20 декабря 2011 г. базового для анализируемой области уголовной юстиции постановления № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее — Постановление Пленума № 21). В первоначальной редакции указанный документ состоял из 38 пунктов. В последующие годы границы его расширялись. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»⁴ он дополнен новыми 11 пунктами (посвящены исполнению наказания в виде штрафа), а Постановлением Пленума № 43 — еще 5 пунктами (касаются замены на более строгое назначенного осужденному наказания и отмены условного осуждения). В настоящее время в 56 пунктах Постановления Пленума № 21 интегрирована система логически взаимосвязанных уточняющих положений, представляющих собой акты толкования норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Эффективной мерой в аспекте обеспечения единства судебной практики условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания продолжает оставаться опубликованный в 2014 г. Верховным Судом Российской Федерации «Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания»⁵, получивший в профессиональной среде позитивные отзывы. К сожалению, названный обзор — единственный в сфере применения законодательства об исполнении приговора. Представляется продуктивной идея подготовки и опубликования Верховным Судом Российской Федерации тематических обзоров по конкретным актуальным вопросам исполнения приговора. Такие обзоры, утверждаемые Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, содержат анализ допущенных по конкретным делам недостатков, ошибок либо, напротив, «эталонных» решений, принятых судами первой, апелляционной и кассационной инстанций. Будучи основанными на реальной судебной практике, такие обзоры играют роль своеобразного «навигатора», помогающего правильно разрешить правовой спор, а потому популярны и востребованы судьями.

Если ориентироваться на мнения судей, данные обобщений судебной практики, то как минимум три блока вопросов, которые определяют содержательную часть осуществления правосудия на стадии исполнения приговора, могли бы стать предметом указанных обзоров: 1) замена наказания в случае злостного уклонения от его отбывания; 2) отмена условного осуждения для исполнения наказания, назначенного приговором суда; 3) заключение под стражу (продление срока задержания) осужденного при исполнении приговора.

Нельзя не упомянуть еще одну предпринятую Верховным Судом Российской Федерации важную меру поддержки правосудия, осуществляемого в порядке главы 47 УПК РФ. В связи с дополнениями, внесенными в ст. 72 УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, установившими новые правила зачета сроков мер пресечения в срок наказания⁶,

³ Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2021 год. Форма № 1. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 20.11.2022).

⁴ Российская газета. 2015. 29 дек.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 44–46.

⁶ Российская газета. 2018. 10 июля.

у судов в ходе их применения возникли вопросы, требующие разъяснений. На поступившие в Верховный Суд Российской Федерации вопросы были подготовлены ответы, которые 31 июля 2019 г. утверждены Президиумом Верховного Суда и приобрели статус обязательной для судей позиции Верховного Суда Российской Федерации⁷. В контексте исследуемой нами тематики интерес представляет позиция Верховного Суда по вопросу о том, подлежат ли применению коэффициенты кратности при зачете в срок отбывания наказания периодов содержания под стражей при исполнении приговора.

Судебная практика в этой части складывалась стихийно, отдельные суды использовали повышающие коэффициенты зачета содержания под стражей в срок лишения свободы, когда осужденный направлялся для отбывания наказания в колонию-поселение или исправительную колонию общего режима, воспитательную колонию в порядке замены наказания и отмены условного осуждения [2, с. 60]. Верховный Суд Российской Федерации занял позицию, согласно которой соответствующие положения ст. 72 УК РФ не действуют после вступления приговора в законную силу [3, с. 77].

Таким образом, отсутствие полноценного правового механизма осуществления правосудия на стадии исполнения приговора [4, с. 26–27; 5, с. 38] в определенной степени компенсируется выработкой Верховным Судом Российской Федерации обязательных для судей позиций по наиболее спорным вопросам применения норм главы 47 УПК РФ. Выраженные в документах разного уровня (постановления Пленума, обзоры судебной практики, ответы на вопросы судей), позиции Верховного Суда Российской Федерации как акты толкования норм законодательства об исполнении приговора при надлежащей организации и контроле за их реализацией помогают стабилизировать судебную практику, свести к минимуму нарушения конституционных прав участников правосудия в стадии исполнения приговора.

Указанные меры, предпринятые Верховным Судом Российской Федерации, оказались своевременными, практически полезными, но недостаточными для того, чтобы признать надлежащим (не пониженным) уровень гарантий права на судебную защиту для осужденных при осуществлении правосудия в стадии исполнения приговора. Представленные в Верховный Суд Российской Федерации в рамках подготовки в 2018 г. поправок в постановление Пленума № 21 предложения региональных судов о целесообразности разъяснения ряда проблемных для них ситуаций, неодинаково понимаемых должностными лицами органов уголовно-исполнительной системы, прокурорами, судьями, реализованы частично, некоторые из них отложены для детальной проработки. В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на некоторые тревожные явления, отражаю-

щие реальное состояние данной формы отправления уголовного правосудия.

«Раздвоение» процессуальной формы замены на более строгое назначенного осужденному наказания: причины и последствия

Предваряя вопросы, обусловленные названием данного раздела статьи, авторы сочли возможным провести некую аналогию с ситуацией, возникающей в ходе расследования уголовного дела и вызывающей необходимость временного приостановления по нему производства. Имеются в виду случаи, когда обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам. Закон (глава 28 УПК РФ) предписывает следователю в таких ситуациях организовать розыск обвиняемого, после его обнаружения продолжить расследование уголовного дела и представить его с обвинительным заключением прокурору для последующего направления в суд. Такой алгоритм действий воспринимается как вполне естественный и единственно возможный в рамках существующей организационно-правовой конструкции уголовного преследования лица, обвиняемого в совершении преступления. Трудно представить, чтобы обвиняемого, скрывшегося от следствия, судили и назначали ему наказание заочно, а при обнаружении исполняли приговор.

Почему же не вызывает отторжения и считается ординарной существующая практика заочного рассмотрения материалов о замене на более строгое назначенного осужденному наказания в связи со злостным уклонением от его отбывания? Казалось бы, в условиях действия конституционных гарантий права на судебную защиту для осужденных при разрешении любого вопроса, связанного с исполнением приговора, включая право участвовать в судебном заседании, судом не должны приниматься решения о замене лишением свободы ранее назначенного осужденному менее строгого наказания, если осужденный скрылся в целях уклонения от отбывания наказания, место его нахождения не установлено, он объявлен в розыск. Положения ст. 18¹ УИК РФ «Объявление розыска и осуществление оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества» прямо ориентируют органы уголовно-исполнительной системы на необходимость до внесения в суд представления о замене осужденному наказания другим его видом принять меры к розыску осужденных, скрывшихся от контроля.

Однако процедура замены на более строгое назначенного осужденному наказания в связи со злостным уклонением от его отбывания без участия осужденного в судебном заседании стала обычным явлением в судебной практике. Нет, она не заменяет, не вытесняет процедуру рассмотрения идентичных вопросов, подчиняющуюся требованиям ч. 2 ст. 399 УПК РФ,

⁷ URL: vsrf.ru (дата обращения: 20.10.2022).

сообразующуюся с позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, при которой осужденному обеспечивается право на личное участие в судебном заседании. Обе процедуры «рабочие», предпочтение конкретной из них отдается исходя из сложившейся практики (процессуальных традиций) в конкретном регионе или в отдельном суде, из собственного понимания судьей анализируемой правовой ситуации. «Вычислить» удельный вес каждой из них не представляется возможным: случаи рассмотрения вопросов, предусмотренных п. 2 и п. 2.1 ст. 397 УПК РФ, без участия осужденного в судебном заседании не отражаются в статистических формах.

В пункте 5 Постановления Пленума № 21 отдельно разъяснялось, что вопрос о замене неотбытого срока обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы лишением свободы разрешается в присутствии лица, в отношении которого принимается такое решение. По аналогии решался и вопрос о замене штрафа.

Данная точка зрения основывалась на содержании п. 20 ч. 4 ст. 47, чч. 2 и 3 ст. 399 УПК РФ, в соответствии с которыми осужденный вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Она учитывала и позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную им в нескольких решениях, в том числе в п. 2 определения от 3 июля 2008 г. № 621-О-П, в котором четко сформулировано следующее положение: осужденный, если он не участвует в судебном заседании, лишается возможности ознакомиться с имеющимися в деле материалами и представить суду свои возражения на представление о замене назначенного ему наказания, следствием чего может стать нарушение прав осужденного и конституционного принципа состязательности и равноправия сторон⁸.

Вместе с тем содержание п. 5 Постановления Пленума № 21 не в полной мере гармонировало с правилами, установленными ч. 2 ст. 399 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ), допускающими при определенных условиях проведение судебного заседания в отсутствие осужденного (неявка без уважительных причин в судебное заседание осужденного, надлежаще извещенного о дате, месте и времени слушания дела). По этой причине п. 5 был «переформатирован» с включением в него адресованных судам требований выяснять все обстоятельства, которые могут повлиять на законность принятого решения в части определения срока или размера неотбытого наказания или условий, которые влекут необходимость замены наказания, а решение о замене

наказания принимать с учетом личности виновного и причин, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания⁹.

Таким образом, изначально изложенная в п. 5 Постановления Пленума № 21 категоричная позиция (именно в этом состояла ее сильная сторона), базирующаяся на обязательности присутствия осужденного в судебном заседании, если судом может быть принято решение, ухудшающее его положение в результате замены наказания, затем была скорректирована и приобрела некоторую завуалированность, двусмысленность. Некоторые судьи восприняли «смягчение» позиции Верховного Суда Российской Федерации в анализируемой части как рекомендацию рассматривать вопрос о замене более строгим назначенного осужденному наказания без его участия в судебном заседании.

Включенное в 2018 г. в п. 33 Постановления Пленума № 21 новое разъяснение, согласно которому в случае неявки осужденного, заявившего ходатайство об участии в судебном заседании, суд выясняет причины, по которым он не явился, и при отсутствии уважительных причин такая неявка не служит препятствием для проведения судебного заседания, распространяется на случаи, которые на практике встречаются редко. Центральным в контексте ч. 2 ст. 399 УПК РФ остается вопрос о том, вправе ли суд проводить судебное заседание и рассматривать поступившее представление о замене наказания, если осужденный скрылся в целях уклонения от отбывания наказания и место его нахождения не установлено, он объявлен в розыск.

Позиция многих судов по этому вопросу однозначна: когда не обеспечена явка осужденного в судебное заседание, судами принимаются решения об оставлении представлений без рассмотрения или удовлетворения.

Вместе с тем распространена и другая практика. Суды признают достаточным основанием для рассмотрения таких представлений нахождение осужденного в розыске, неисполнение постановлений о принудительном приводе. Нередки случаи, когда суды, рассматривая представления о замене наказания в отсутствие осужденного, признавали обязательным участие адвоката, полагая, что это компенсирует отсутствие осужденного в судебном заседании и позволит ему реализовать таким образом право на судебную защиту и участие в судебном разбирательстве. Показательны в этом отношении следующие дела.

Кушвинский городской суд Свердловской области 30 августа 2017 г. удовлетворил представление уголовно-исполнительной инспекции о замене осужденному К. исправительных работ лишением свобо-

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 621-О-П по жалобе гражданина Ямалетдинова Олега Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 6.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 59 // Российская газета. 2015. 29 дек.

ды. Осужденный, скрывшийся от контроля, в судебном заседании не участвовал. По этому основанию постановление суда первой инстанции отменено судом апелляционной инстанции, представление направлено на новое рассмотрение, в ходе которого суд принял решение вернуть материалы уголовно-исполнительной инспекции для организации розыска осужденного¹⁰.

Губахинский городской суд Пермского края постановлением от 16 июня 2017 г. удовлетворил представление уголовно-исполнительной инспекции о замене осужденному М. исправительных работ лишением свободы. Судебное заседание проведено в отсутствие осужденного, с участием адвоката. В апелляционной жалобе адвокат указал, что суд первой инстанции необоснованно провел судебное заседание в отсутствие осужденного, чем нарушил его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. Апелляционным постановлением Пермского краевого суда от 27 июля 2017 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения¹¹.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Краснодара от 25 ноября 2019 г. осужденному Ш. заменено наказание в виде кратного штрафа лишением свободы сроком на один год. Апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 18 марта 2020 г. решение суда первой инстанции отменено из-за существенного нарушения им уголовно-процессуального закона. Судебное заседание проведено без участия в нем осужденного. Требования ч. 2 ст. 399 УПК РФ об извещении осужденного о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания не выполнены. Дело направлено на новое судебное рассмотрение¹².

Череповецкий городской суд Вологодской области рассмотрел в судебном заседании представление начальника уголовно-исполнительной инспекции об отмене условного осуждения А., скрывшегося от контроля. Осужденный А. в судебное заседание не явился, его местонахождение не установлено. Проверив имеющиеся в распоряжении суда материалы, заслушав представителя уголовно-исполнительной инспекции, адвоката, прокурора, суд принял решение об оставлении представления без рассмотрения, возвращении материалов для производства розыска осужденного¹³.

Как видно из приведенных примеров, рассмотрение вопроса о замене на более строгое назначенного осужденному наказания в связи со злостным уклонением от его отбывания без участия осужденного

в судебном заседании некоторые суды допускают, другие усматривают в этом существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

В случаях, когда не обеспечена явка осужденного в судебное заседание, судами принимается до 6 видов решений по представлениям о замене наказания: 1) производство по представлению приостанавливается; 2) производство по представлению прекращается; 3) в удовлетворении представления отказывается; 4) представление оставляется без рассмотрения; 5) представление рассматривается, если в приложенных к нему материалах имеются данные о достаточности проведенных мероприятий по розыску осужденного; 6) представление возвращается. Признать такое положение нормальным нельзя.

Существование подобной практики, как уже отмечалось, не обусловлено объективными причинами. Действующее нормативное регулирование порядка принятия судом решения об изменении ранее назначенного осужденному наказания на более тяжкое, соответствующие позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации не могут истолковываться как допускающие принятие такого решения в отсутствие осужденного, если он скрывается в целях уклонения от отбывания наказания. Наличие в материалах, приобщенных к представлению, данных о проведенных мероприятиях по розыску осужденного, объявлении его в розыск, копий неисполненных постановлений о принудительном приводе, назначение судом адвоката для оказания юридической помощи осужденному — все это не может служить достаточным основанием для рассмотрения и разрешения вопросов, указанных в п. 2 и п. 2.1 ст. 397 УПК РФ, без участия осужденного в судебном заседании.

Согласно п. 20 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 399 УПК РФ осужденный вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

В соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором обозначена позиция Верховного Суда Российской Федерации о значимости для уголовного судопроизводства принципа обеспечения права на защиту, его «сквозном» характере, распространении на все стадии производства по делу, включая стадию исполнения при-

¹⁰ Апелляционное постановление Свердловского областного суда № 4/17-36/2017.

¹¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 27 июля 2017 г. № 22-4568 // Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2017 г. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 20.11.2022).

¹² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-1693/2020 г.

¹³ Апелляционное постановление Вологодского областного суда № 4/9-10/2018.

¹⁴ Российская газета. 2015. 10 июля.

говора¹⁴, с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной, в частности, в определениях от 11 июля 2006 г. № 351-О, от 3 июля 2008 г. № 621-О-П, предоставление реальной возможности довести до сведения суда свое мнение относительно всех аспектов дела является одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливости судебного разбирательства. Это в полной мере относится и к тем случаям, когда при исполнении приговора судом решается вопрос о замене назначенного осужденному наказания на более строгое в связи со злостным уклонением от его отбывания.

В контексте изложенного очевидна необходимость вмешательства в эту ситуацию Верховного Суда Российской Федерации путем дачи дополнительных разъяснений либо подготовки и опубликования соответствующего обзора практики рассмотрения судебных материалов о замене на более строгое назначенного осужденному наказания с анализом недостатков и судебных ошибок. «Замораживание» обозначенной проблемы, существующей длительное время, препятствует выполнению задачи обеспечения единства судебной практики по этой категории дел и законности принимаемых судами решений. В настоящее время эта задача не может быть решена на уровне компетенции судов апелляционной и кассационной инстанций, занимающих в обсуждаемом вопросе, как показывают обобщения судебной практики, двойственное положение. Поэтому выработка Верховным Судом Российской Федерации соответствующей позиции с доведением ее до сведения всех судов будет полезной мерой, касающейся десятков тысяч ежегодно рассматриваемых дел, а значит, и десятков тысяч осужденных.

Отмена условного осуждения скрывшемуся от контроля осужденному: судебной практике нужна «перезагрузка»

В соответствии с ч. 2¹, ч. 3 ст. 74 УК РФ суд вправе отменить условное осуждение к лишению свободы и направить осужденного в исправительную колонию для исполнения наказания, назначенного приговором. В 2021 г. условное осуждение к лишению свободы по указанным основаниям было отменено в отношении 14,6 тыс. осужденных¹⁵.

Оригинальность данной категории дел обуславливает целесообразность их отдельного анализа.

Во-первых, по таким делам затруднительно выполнение предписаний ч. 2 ст. 399 УПК РФ, согласно которой осужденный должен быть надлежащим образом извещен о дате, месте и времени судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Условно осужденный, уклоняющийся от выполнения возложенных на него судом обязанностей, как прави-

ло, скрывается от контроля, и его место нахождения неизвестно.

Во-вторых, задержание и заключение под стражу (п. 18 ст. 397 УПК РФ) условно осужденного для пресечения уклонения от исполнения приговора и обеспечения его явки в суд законом не предусмотрены.

В-третьих, закон имеет фактически альтернативную ч. 2 ст. 399 УПК РФ процедуру рассмотрения судебных материалов об отмене условного осуждения, что позволяет легальным путем обходить ее требования. Согласно ч. 4 ст. 190 УИК РФ начальник уголовно-исполнительной инспекции направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором, в отношении осужденного, скрывшегося от контроля. Скрывающимся от контроля признается условно осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней (ч. 6 ст. 190 УИК РФ).

Указанный порядок отмены условного осуждения действует, несмотря на то что ч. 4 ст. 190 УИК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) вступила в противоречие с ч. 2 ст. 399 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ). Он не согласуется и с позицией Конституционного Суда Российской Федерации относительно: а) участия осужденного в судебном заседании при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопроса, связанного с ограничением его свободы и личной неприкосновенности (определение от 3 июля 2008 г. № 621-О-П); б) наличия у осужденного права присутствовать в судебном заседании при разрешении вопроса об отмене условного осуждения (определение от 5 ноября 2015 г. № 2664-О)¹⁶.

Принципиально разные подходы законодателя к регламентации процедуры отмены условного осуждения как одного из важных элементов общего механизма реализации условного осуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным (ч. 2 ст. 399 УПК РФ) и уголовно-исполнительным (ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ) законодательством, вполне ожидаемо вызвали и существенные расхождения в судебной практике.

Апелляционная и кассационная практика проверки судебных постановлений, вынесенных при рассмотрении судебных материалов об отмене условного осуждения в соответствии с ч. 2¹ и ч. 3 ст. 74 УК РФ, п. 7 ст. 397 УПК РФ, также указывает на два несовпадающих, взаимоисключающих варианта трактовки правового механизма отмены условного осуждения для исполнения наказания, назначенного приговором суда: в одних регионах вышестоящий суд «жестко пресекает» принятие судом первой инстанции решений об отмене условного осуждения без участия в судебном заседании осужденного, в других относится

¹⁵ Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2021 г. Форма № 1. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2015 г. № 2664-О по запросу Заднепровского районного суда города Смоленска о проверке конституционности положения части четвертой статьи 396 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к ним лояльно. Это можно проследить на следующих примерах.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Карелия от 19 сентября 2019 г. оставлено без изменений постановление Медвежьегорского районного суда Республики Карелия от 28 февраля 2019 г., которым отменено условное осуждение В. с направлением его для отбывания 6 месяцев лишения свободы в исправительную колонию строгого режима. Срок наказания В. постановлено исчислять с момента его фактического задержания. Исходя из положений ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ условно осужденный В. признан скрывающимся от контроля с 11 декабря 2018 г., место его нахождения не установлено в течение более 30 дней. В апелляционном постановлении указано, что заявление осужденного в апелляционной жалобе о незаконности рассмотрения материалов дела в его отсутствие несостоятельно, поскольку судом предпринимались попытки его надлежащего извещения, было вынесено постановление о приводе, однако местонахождение осужденного не было установлено и он объявлен в розыск¹⁷.

По данному делу позиции судов первой и апелляционной инстанций совпали. Оба суда не приняли во внимание положения ч. 2 ст. 399 УПК РФ, подлежащие применению в деле, руководствовались ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ.

Кировским районным судом г. Красноярска от 27 октября 2015 г. Д. осужден по ч. 3 ст. 232 УК к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 3 года. Этим же судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции 17 мая 2016 г. отменено условное осуждение в отношении Д., который в судебном заседании не присутствовал. Д. был объявлен в розыск «с доставлением после задержания в СИЗО-1 г. Красноярска для последующего направления в исправительную колонию общего режима для отбывания наказания». Постановлением того же суда от 28 июля 2016 г., вынесенным в порядке ст. 397 УПК РФ, Д. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В кассационном представлении заместитель прокурора Красноярского края обратил внимание на рассмотрение дела в отсутствие осужденного Д., ненадлежащее его уведомление о дате и времени судебного заседания.

Президиум Красноярского краевого суда постановлением от 6 декабря 2016 г. удовлетворил кассационное представление и отменил постановления Кировского районного суда г. Красноярска от 17 мая 2016 г. и от 28 июля 2016 г., указав, в частности, следующее: дело рассмотрено без осужденного Д., без его надлежащего уведомления и выяснения причин неявки в суд; принимая в отсутствие Д. решение об отмене условного осуждения и направлении его для

отбывания наказания в исправительную колонию, суд существенно нарушил право осужденного на участие в судебном заседании, на выражение своей позиции по рассматриваемому вопросу и на ее обоснование, на ознакомление с материалами, в целом на защиту. Направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция освободила Д. из-под стражи¹⁸.

В приведенном деле судами первой и кассационной инстанций приняты прямо противоположные решения. Кассационное представление прокурора и постановление президиума Красноярского краевого суда основывались на содержании ч. 2 ст. 399 УПК РФ, соответствующих позициях Конституционного Суда Российской Федерации, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Постановлением Южно-Сахалинского городского суда от 30 августа 2019 г. отменено условное осуждение Т. с направлением его для отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима. В соответствии с ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ основанием для отмены условного осуждения Т. послужили установленные судом обстоятельства, указывающие на то, что осужденный скрылся от контроля и место его нахождения не было известно в течение более 30 дней. В апелляционной жалобе осужденный утверждал, что решение суда принято в его отсутствие, чем нарушен уголовно-процессуальный закон. Отказывая в удовлетворении жалобы, суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение следующим образом: «Представление рассмотрено без участия Т., так как он скрылся от контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции, не являлся на регистрацию в инспекцию без уважительных причин, не уведомил уголовно-исполнительную инспекцию о перемене места жительства. Суд принимал меры для вызова Т. в судебное заседание, но последний не проживал по месту своего жительства, поэтому суд первой инстанции по объективным причинам не смог обеспечить его участие в судебном заседании и обоснованно рассмотрел представление об отмене условного осуждения без его участия. Данные обстоятельства объективно подтверждаются рапортами судебного пристава от 21 августа 2019 г. и 30 августа 2019 г. о невозможности исполнения привода»¹⁹.

В этом деле позиции судов о необязательности участия осужденного в судебном заседании по вопросу отмены условного осуждения одинаковы и основаны исключительно на положениях ч. 4 и ч. 6 ст. 190 УИК РФ.

Постановлением Советского районного суда г. Омска от 19 марта 2018 г. отменено условное осуждение П. с направлением его для отбывания назна-

¹⁷ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия № 4/8-5/2019 г.

¹⁸ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 44у-250/2016 г.

¹⁹ Апелляционное постановление Южно-Сахалинского городского суда № 22-1859/2019 г.

ченного приговором суда наказания в виде 2 лет лишения свободы в исправительную колонию общего режима. Условно осужденный П. скрылся от контроля уголовно-исполнительной инспекции, его явка в судебное заседание обеспечена не была, вопрос об отмене условного осуждения рассматривался в его отсутствие. Данное судебное решение обжаловано осужденным в кассационном порядке. Президиум Омского областного суда постановлением от 25 марта 2019 г. отменил судебное решение от 19 марта 2018 г., дело направил на новое судебное рассмотрение в связи с допущенными судом первой инстанции нарушениями уголовно-процессуального закона, права осужденного на защиту, повлиявшими на исход дела. О дне, месте и времени судебного заседания осужденный извещался судом формально путем направления двух судебных повесток, которые были возвращены в суд без вручения осужденному. Иных мер для установления места нахождения осужденного и вызова его в судебное заседание суд не принимал, представление об отмене условного осуждения рассмотрел без участия в судебном заседании осужденного, несмотря на возражения прокурора и согласие адвоката²⁰.

В изложенном деле четко прослеживается абсолютно разное понимание механизма отмены условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором, судом первой инстанции и судом кассационной инстанции. Последняя, как представляется, заняла правильную позицию, основывая ее на положениях ч. 2 ст. 399 УПК РФ и не допуская рассмотрения вопроса об отмене условного осуждения, связанного с ограничением свободы и личной неприкосновенности условно осужденного, без его участия в судебном заседании.

Таким образом, практика отмены условного осуждения для исполнения наказания, назначенного приговором суда, крайне противоречива, продуцирует принятие незаконных судебных решений, «побочным явлением» которых выступает помещение условно осужденного под стражу.

Можно ли, как это имеет место во многих регионах, достичь единообразия в правилах рассмотрения материалов об отмене условного осуждения и подчинить их требованиям ч. 2 ст. 399 УПК РФ, позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, предполагающим, во-первых, надлежащее извещение условно осужденного о предстоящем судебном разбирательстве и, во-вторых, обеспечение ему возможности участвовать в судебном заседании?

Безусловно, единству судебной практики отмены условного осуждения может способствовать принятие комплекса мер в виде систематического обобщения судебной деятельности, обсуждения результатов таких обобщений с заинтересованными правоприменителями — судьями, прокурорами, должностными лицами органов уголовно-исполнительной системы,

направления им обзоров и рекомендаций, выработки Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснений для нижестоящих судов. Важное значение для формирования практики судов первой инстанции имеет и устранение апелляциями и кассационными инстанциями допущенных ошибок путем отмены незаконных судебных решений об отмене условного осуждения с вынесением частных постановлений (определений) на основании ч. 4 ст. 29 УПК РФ.

Что касается ч. 4 ст. 190 УИК РФ, допускающей проведение судебного заседания по вопросу отмены условного осуждения в отсутствие осужденного, скрывшегося от контроля, то она не должна применяться в указанной части. Предписания ч. 2 ст. 399 УПК РФ являются специальными для судебной процедуры рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, регулируемой УПК РФ. Следовательно, именно они подлежат применению.

Для того чтобы достичь большей степени определенности в правовом регулировании процедуры отмены условного осуждения, надлежит внести изменения в ч. 4 ст. 190 УИК РФ, исключив из нее слова: «либо скрылся от контроля». Тем самым акцент будет сделан на розыск и установление места нахождения условно осужденного, скрывшегося от контроля, что позволит обеспечить его участие в судебном заседании при решении вопроса об отмене условного осуждения.

Одновременно надлежит распространить возможность задержания и заключения под стражу (п. 18 ст. 397 УПК РФ) на условно осужденного для пресечения уклонения от исполнения приговора и обеспечения его явки в суд. Это позволит выстроить следующий логически завершенный алгоритм действий суда и органов, осуществляющих контроль за условно осужденными: скрывшийся осужденный объявляется в розыск; при обнаружении задерживается на срок до 48 часов; задержанный осужденный может быть заключен под стражу судом до 30 суток (п. 18 ст. 397 УПК РФ); в пределах установленного срока содержания под стражей суд рассматривает с участием условно осужденного вопрос об отмене условного осуждения.

В заключение представляется необходимым сделать несколько выводов, в русле которых, без популярного у многих современных исследователей дискурса о судебной реформе, предлагается решать обозначенные проблемы.

1. Качество осуществления правосудия в стадии исполнения приговора во многом зависит от принимаемых Верховным Судом Российской Федерации «мер поддержки» в виде формулирования обязательных для судей позиций, подлежащих применению при неопределенности правового регулирования процессуальных отношений, возникающей при разрешении судом более 30 вопросов, отнесенных к его ком-

²⁰ Апелляционное постановление Омского областного суда № 4/9-20/2018 г.

петенции в сфере исполнения приговора. Основная нагрузка по толкованию нормативной основы исполнения приговора ложится на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», призванное обеспечить относительные единство и стабильность в этом сегменте уголовного судопроизводства.

2. Системные недостатки правосудия, осуществляемого в порядке главы 47 УПК РФ, наиболее отчетливо проявляются при рассмотрении материалов о замене на более строгое назначенного осужденному наказания (п. 2 и п. 2¹ ст. 397 УПК РФ) и отмене условного осуждения (п. 7 ст. 397 УПК РФ). В данных судебных производствах не в полной мере реализуются общепринятые стандарты справедливого правосудия, право осужденного на эффективное участие в судебном заседании при разбирательстве его дела, что приносит в судебную деятельность, связанную с исполнением приговора, элементы квазиправосудия.

3. Действующее нормативное регулирование порядка замены на более строгое назначенного осужденному наказания вкупе с позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации о праве осужденного на

судебную защиту не могут истолковываться как допускающие принятие такого решения в отсутствие осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания.

4. Наличие в материалах, приобщенных к представлению о замене наказания, данных о проведенных мероприятиях по розыску осужденного, копий неисполненных постановлений о принудительном приводе, назначение судом адвоката для оказания юридической помощи осужденному не могут служить достаточным основанием рассмотрения и разрешения вопросов, указанных в п. 2 и п. 2¹ ст. 397 УПК РФ, без участия осужденного в судебном заседании.

5. Закон (ч. 2 ст. 399 УПК РФ, ч. 4 ст. 190 УИК РФ) предусмотрел альтернативные и несовместимые процедуры рассмотрения судебных материалов об отмене условного осуждения. Они должны быть приведены к «одному знаменателю» путем подчинения требованиям о надлежащем извещении условно осужденного о предстоящем судебном разбирательстве и предоставлении ему возможности участвовать в нем. Для этого необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 190 УИК РФ и отказаться от отмены условного осуждения скрывшемуся от контроля осужденному без установления его места нахождения.

Список литературы

1. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. М., 2021.
2. Николюк В. В., Пупышева Л. А. Действие новых правил зачета содержания под стражей в срок лишения свободы в стадии исполнения приговора // Уголовный процесс. 2019. № 4.
3. Зателепин О. К. Зачет сроков мер пресечения в срок наказания. Новые разъяснения ВС РФ // Уголовный процесс. 2019. № 11.
4. Червоткин А. С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. № 10.
5. Дорошков В. В. Совершенствование стадии исполнения приговора // Мировой судья. 2017. № 9.

УДК 343.15

Л. А. ПУПЫШЕВА

Возмещение вреда, причиненного преступлением, как обстоятельство, подлежащее доказыванию, в производстве по делам об исполнении приговора

Рассматриваются отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности, связанной с исполнением приговора. Исследуется возмещение вреда, причиненного преступлением, как одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, касающихся исполнения приговора. Обращается внимание на изменение законодательного подхода к его оценке.

Ключевые слова: исполнение приговора, осужденный, потерпевший, возмещение вреда, условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм о доказательствах и доказывании для производства, предусмотренного главой 47 УПК РФ¹, что вынуждает правоприменителя использовать по аналогии раздел III УПК РФ. В законодательной регламентации нуждаются: предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению), учитывающий особенности вопросов, указанных в ст. ст. 397, 398, 400 УПК РФ; элементы процесса доказывания и их содержание; статус субъектов доказывания, распределение бремени (обязанности); виды (источники) доказательств и многое другое.

На процессуальные решения, принимаемые в уголовно-исполнительном судопроизводстве, распространяются законодательные требования, установленные ч. 4 ст. 7 УПК РФ, — они должны отвечать критериям законности, обоснованности и мотивированности. На это не раз указывалось в решениях Конституционного Суда РФ², обращено внимание в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее — Постановление № 21). Указанное невозможно без полного и всестороннего изучения представленных в суд

материалов и установления всех необходимых обстоятельств. Как разъяснено в п. 5 Постановления № 21, рассматривая вопросы, связанные с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, суды должны выяснять все обстоятельства, которые могут повлиять на законность принятого решения. Думается, такой подход применим ко всем вопросам, разрешаемым в порядке гл. 47 УПК РФ.

Уголовно-процессуальное доказывание является центральной частью содержания производства по делам об исполнении приговора и представляет собой процесс познания обстоятельств события, составляющих фактическую основу рассмотрения и разрешения соответствующих вопросов, осуществляемый определенными субъектами в особой процессуальной форме. Кроме того, Конституционный Суд РФ разъяснил, что оно должно осуществляться на основе принципов состязательности и равноправия сторон, а судом должно обеспечиваться право осужденного изложить свою позицию и представить необходимые *доказательства*³.

Процессуальная форма доказывания в производстве, регламентированном гл. 47 УПК РФ, имеет принципиальные отличия, характеризующие как

¹ Для обозначения производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, нами будут использованы термины «уголовно-исполнительное судопроизводство», «производство по делам об исполнении приговора».

² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агафонова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав частями шестой и седьмой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1638-О-О. Документ опубликован не был ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сианосяна Александра Альбертовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1113-О. Документ опубликован не был ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глебова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1257-О. Документ опубликован не был. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *По жалобе* гражданина Слюсаря Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 351-О ; *По жалобе* гражданина Ямалетдинова Олега Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 621-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 6 ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Китиева Аюпа Умаровича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 статьи 397 и статьей 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 130-О-О. Документ опубликован не был.

природу самого процесса, так и предмет, и пределы доказывания, а также обстоятельства, подлежащие доказыванию (установлению). Как справедливо отметил В. В. Никулюк, «существенные особенности в характере судопроизводства в сфере исполнения мер уголовно-правового воздействия наложили отпечаток и на доказательственную деятельность, которой сопровождаются рассмотрение и разрешение дел, связанных с исполнением приговоров» [1, с. 155].

Предмет доказывания в самом общем виде здесь можно определить как совокупность обстоятельств, которую необходимо установить для разрешения вопроса, связанного с исполнением приговора, по существу [2, с. 355–356]. Установить для всех вопросов, перечисленных в ст. ст. 397, 398 и 400 УПК РФ, единый предмет доказывания (по аналогии со ст. 73 УПК РФ) крайне сложно. Каждому из них соответствует свой предмет исследования (доказывания), содержание которого зависит от правовой природы и правовых последствий разрешаемого вопроса.

После принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» для разрешения некоторых вопросов, связанных с исполнением приговора, принципиальное значение приобрело установление возмещения вреда, причиненного преступлением.

Так, в настоящий момент ч. 1 ст. 79 УК РФ установлено, что лицо подлежит условно-досрочному освобождению (далее — УДО), если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также *возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением*, в размере, определенном решением суда. Возмещение вреда позиционируется законодателем в качестве обязательного условия для УДО наравне с фактическим отбытием определенного срока наказания. Данное обстоятельство приобрело аналогичный характер и для замены наказания его более мягким видом, а также для отмены условного осуждения и снятия судимости. Стоит сказать, что соответствующие законодательные новеллы в свое время назвали «платным УДО» и были буквально восприняты следующим образом: для удовлетворения ходатайства об УДО (равно как о замене неотбытой части наказания более мягким его видом, об отмене условного осуждения, о снятии судимости) достаточно возместить вред, причиненный преступлением, что совершенно неверно. Сам по себе факт возмещения вреда не может являться достаточным для положительного решения об УДО.

Во-первых, ч. 4¹ ст. 79 УК РФ определено, что при рассмотрении ходатайства суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания,

в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его УДО. Другими словами, указанный критерий должен оцениваться судом в совокупности с иными обстоятельствами, подлежащими доказыванию. При этом надлежит обратить внимание на то, что суд не может отказать осужденному в УДО в случае установления объективных причин, препятствующих возмещению вреда. В подобных ситуациях, если осужденный отбыл установленный законом срок наказания и для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания, ходатайство об УДО подлежит удовлетворению.

Во-вторых, не стоит забывать, что возмещение вреда, причиненного преступлением, является обязанностью осужденного.

Часть 1 ст. 80 УК РФ в обновленной редакции также содержит императивное указание на то, что лицу, *возместившему (полностью или частично) причиненный преступлением вред*, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания. Применительно к данному вопросу возмещение вреда является условием для рассмотрения соответствующего ходатайства (представления). Обратим внимание на то, что наличие в данных документах сведений о возмещении вреда не освобождает от обязанности их установления (проверки) в судебном заседании. Надлежит также иметь в виду, что, как и в случае с УДО, доказанность этого обстоятельства не обязывает суд удовлетворять ходатайство осужденного.

Известно, что добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, относится к числу смягчающих обстоятельств и может существенным образом повлиять на назначение УДО. При этом суд вправе возложить на осужденного обязанность возместить вред, причиненный преступлением, невыполнение (ненадлежащее выполнения) которой может стать основанием для отмены условного наказания либо продления испытательного срока.

Оценивая положения ст. 74 УК РФ, Конституционный Суд РФ в определении от 26 февраля 2021 г. № 358-О отметил: «Закрепляя требования к поведению условно осужденного, указанная статья признает полное или частичное возмещение этим лицом вреда, причиненного преступлением... в качестве основания для отмены условного осуждения и снятия судимости (часть первая), а уклонение от возмещения вреда — в качестве основания для продления испытательного срока (часть вторая)».

Соответствующие сведения должны быть указаны в представлении уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ). Конституционный Суд РФ отметил также, что «обязанность выявлять факты уклонения условно осужденного от возмещения причиненного содеянным вреда возложена на УИИ», «информация о таком уклонении, необходимая для внесения в суд соответствующего представления и оценки судом степени исполнения условно осужденным обязанности возместить вред, может поступать в УИИ от структурных подразделений территориальных органов ФССП и ФСИН России» (определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2019 г. № 1510-О).

Для «позитивной» отмены условного осуждения (ч. 1 ст. 74 УК РФ) в судебном заседании также требуется доказать, что до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением.

Отметим, что практически десять лет назад российский законодатель предоставил потерпевшему право участвовать в процедуре разрешения некоторых вопросов исполнения приговора (п. 21¹ ст. 42 УПК РФ, ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ). Мнение потерпевшего, безусловно, не может являться для суда определяющим при принятии соответствующих решений. Те, кто называл данные законодательные новшества «законом о мести», ошибочно полагали, что если потерпевший возражает против поданного ходатайства, суд обязан отказать в его удовлетворении. Кроме того, участие потерпевшего в уголовно-исполнительном судопроизводстве связано прежде всего с необходимостью установления факта возмещения вреда, а также обеспечения его безопасности. По смыслу закона, правовых позиций высших судебных инстанций, решение об отмене условного осуждения не может предопределяться волеизъявлением осужденного (постановление от 18 марта 2014 г. № 5-П, определение от 6 июня 2019 г. № 1510-О).

Участие потерпевшего в процедуре отмены условного осуждения законом не предусмотрено, несмотря на то что установление факта возмещения вреда может быть принципиальным. Однако, как отметил Конституционный Суд РФ, соответствующий процессуальный порядок предполагает обязательную оценку поведения осужденного и его участие в возмещении ущерба, причиненного преступлением, сведения об этом могут быть установлены в том числе с привлечением лиц, являющихся соответчиками по гражданскому иску потерпевшего. Полагаем, что с учетом отсутствия законодательного запрета на участие потерпевшего в решении других (т. е. кроме указанных в пп. 4, 5, 29 ст. 397 УПК РФ) вопросов, он может быть вызван в судебное заседание по инициативе как УИИ,

так и самого осужденного. В условиях действующего правового регулирования обязать его участвовать в судебном заседании практически невозможно, но при отсутствии его согласия на участие в судебном заседании вполне допустимо представить его мнение в письменном виде.

В этом отношении значимой для формирования адекватной судебной практики является правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что УИИ обязаны «предварительно оценивать, насколько ответственно условно осужденные к исполнению вытекающих из их статуса обязанностей». Орган конституционного контроля неоднократно акцентировал внимание на том, что УИИ должны «обладать достаточной информацией для внесения при необходимости данного представления в суд» (определение от 6 июня 2009 г. № 1510-О, определение от 26 февраля 2021 г. № 358-О). Важно, что для правильного разрешения вопроса об отмене условного осуждения необходима оценка не только факта возмещения ущерба, причиненного преступлением, но и обстоятельств (субъектов, способа) такого возмещения.

В развитие последнего тезиса обратим внимание на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которым способы возмещения ущерба должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, при этом возмещение ущерба может быть произведено не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами. Указанное подлежит установлению в судебном заседании.

В заключение считаем необходимым обратить внимание на имеющиеся в судебной практике разночтения в оценках возмещения судебных издержек при разрешении указанных вопросов. Некоторые суды ошибочно относят их к ущербу, причиненному преступлением.

Так, решением Советского районного суда г. Омска осужденному К. было отказано в УДО. В описательно-мотивировочной части постановления суд сослался на «факт непринятия мер к возмещению взысканных в пользу федерального бюджета процессуальных издержек», который не позволил суду прийти к выводу о том, что «цели наказания достигнуты», «осужденный доказал свое исправление и не нуждается в дальнейшем отбытии наказания»⁴.

Решением Омского областного суда постановление Советского районного суда отменено, апелляционная жалоба и ходатайство осужденного об УДО удовлетворены⁵.

⁴ Апелляционное постановление Омского областного суда № 4/1-334/2021.

⁵ Апелляционное постановление Омского областного суда № 22-131/2022.

Список литературы

1. *Николюк В. В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
2. *Пупышева Л. А.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022.

УДК 343.152

А. А. КРЫЛОВ

Случаи обязательного участия защитника в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

Статья посвящена некоторым особенностям обеспечения осужденному права на защиту при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Автор обращает внимание на отсутствие надлежащего правового регулирования случаев обязательного участия защитника осужденного как одной из гарантий реализации указанного права лицом, в отношении которого учреждением или органом, исполняющим наказания, подано представление об усилении мер уголовно-правового воздействия, формулирует предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: исполнение приговора, право на защиту, осужденный, защитник, замена наказания, отмена условного осуждения

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора¹, является самостоятельным, особым уголовно-процессуальным производством [1, с. 7]. Отнесение данной процедуры к уголовно-процессуальной деятельности и регламентация нормами уголовно-процессуального закона (главой 47 УПК РФ) позволяет включить ее в предмет уголовно-процессуального регулирования. Это означает, что она должна осуществляться на основе конституционных принципов организации правосудия, принципов уголовного судопроизводства. Лицу, в отношении которого ведется уголовно-исполнительное судопроизводство, должны быть предоставлены соответствующие права и гарантии их обеспечения.

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, обозначим свою позицию относительно реализации принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в производстве, регламентированном гл. 47 УПК РФ. Конституцией РФ установлено, что каждый обладает правом защищать свои права любым, не запрещенным законом способом. Известно, и никем сегодня не оспаривается, что в современных условиях развития общества и государства наиболее эффективной является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, имеющими статус адвоката.

Необходимость участия адвокатов в уголовно-исполнительном судопроизводстве обусловлена, на наш взгляд, тем, что в процессе рассмотрения и разрешения вопросов, предусмотренных преимущественно ст. 397 УПК РФ, правовое положение осужденного может быть значительно ухудшено посредством усиления уголовно-правового воздействия. Например, может быть отменено условное осуждение, для отбывания наказания определено исправительное учреждение с более строгим режимом, наказание в случае злостного уклонения от его отбывания может быть

заменено на более строгое, в том числе на то, которое предполагает изоляцию от общества, и т. д.

Поскольку под угрозой может оказаться одно из важнейших конституционных прав — право на свободу, восстановить которое в случае незаконного и необоснованного ограничения невозможно по объективным причинам, законом априори должны устанавливаться соответствующие гарантии его охраны и защиты, условия для его реализации. В сфере уголовного судопроизводства наиболее эффективным (действенным), апробированным многолетней практикой способом защиты является участие профессионального защитника.

Стоит сказать, что необходимость в определении полномочий защитника в производстве, предусмотренном гл. 47 УПК РФ, назрела не сегодня. Она была и два десятилетия назад, когда принимали новый УПК РФ. В действующем уголовно-процессуальном законе, несмотря на очевидный прогресс в сравнении с УПК РСФСР 1960 г., который вообще не предусматривал права осужденного осуществлять свои права с помощью адвоката, нормативное регулирование по-прежнему является пробельным.

В производстве по делам об исполнении приговора право осужденного на профессиональную защиту, т. е. защищать свои права с помощью адвоката, к сожалению, регламентировано формально. Так, не определен *уголовно-процессуальный* статус адвоката. Из содержания уголовно-процессуального закона неясно, кем является адвокат, с помощью которого осужденный осуществляет свои права. Стоит сказать, что в постановлениях суда встречаются различные обозначения: «защитник», «адвокат-защитник», «адвокат».

Логично, что неопределенность полномочий такого адвоката создает трудности у правоприменителя. Прежде всего остаются нерешенными вопросы о том, на кого (на суд, на учреждение или орган, исполняю-

¹ В качестве равнозначных далее нами будут использоваться термины «уголовно-исполнительное судопроизводство», «производство по делам об исполнении приговора».

щий наказание) возлагается обязанность по разъяснению осужденному сущности и содержания права осуществлять свою защиту с помощью адвоката, кем и в какой момент должно обеспечиваться участие последнего на этапе подготовки материалов. Кроме того, сложности вызывает определение случаев обязательного участия адвоката осужденного в уголовно-исполнительном судопроизводстве. Применить здесь подход, используемый законодателем в ст. 51 УПК РФ, объективно невозможно, за исключением некоторых случаев:

- 1) если лицо, обладающее правом на защиту, не отказалось от защитника;
- 2) если лицо, обладающее правом на защиту, несовершеннолетнее;
- 3) если физические или психические недостатки не позволяют лицу самостоятельно осуществлять свое право на защиту;
- 4) если лицо не владеет языком, на котором ведется производство.

Однако указанные случаи, которые могут быть применены по аналогии, не учитывают специфики разрешаемых судом дел в порядке гл. 47 УПК РФ.

Многолетний практический опыт автора настоящей статьи, а также проведенное им специальное эмпирическое исследование позволяют сформулировать следующие выводы по поставленным вопросам.

Во-первых, суды стремятся обеспечить участие адвоката в судебных заседаниях, инициированных представителями ФССП (например, при внесении представления о замене штрафа в случае злостного уклонения от его отбывания), ФСИН России (например, в случае внесения представления об отмене условного осуждения, отмене отсрочки отбывания наказания, замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания), либо если осужденные являются медийными персонами, за судьбой которых пристально следит общественность и средства массовой информации (бывшие высокопоставленные чиновники, политики, известные спортсмены, деятели культуры).

Во-вторых, отсутствие должного правового регулирования полномочий защитника в уголовно-исполнительном судопроизводстве приводит к тому, что участие адвокатов в таких судебных заседаниях превращается в формальность. В условиях, когда адвокат является пассивным участником процесса, не проявляющим инициативу в исследовании судом материалов, надлежащей защиты прав, свобод и законных интересов осужденного, естественно, не происходит. К сожалению, в практике встречаются случаи, когда адвокат знакомится с доверителем (осужденным), содержанием представления и приложенных к нему документов непосредственно перед началом судебного заседания. Формальность участия адвокатов в уголовно-исполнительном судопроизводстве

подтверждается анализом судебных решений, принятых по результатам рассмотрения и разрешения дел об исполнении приговора, в которых достаточно часто указывается, что адвокат (защитник) оставил решение представления *на усмотрение суда*. При этом судами практически не используется полномочие выносить частное постановление, предоставленное ч. 4 ст. 29 УПК РФ. В этом отношении следует согласиться с высказанной в юридической науке позицией, что имеет место фактический отказ от принятой защиты. При возникновении подобной ситуации в судебном заседании председательствующий должен предупредить адвоката о недопустимости таких действий при осуществлении защиты прав своего доверителя; судом должно быть вынесено частное постановление и уведомена адвокатская палата, которая должна возбудить в отношении адвоката дисциплинарное производство и применить необходимые меры воздействия [2, с. 42–43].

Кроме того, формальность участия адвокатов в уголовно-исполнительном судопроизводстве косвенно подтверждается также тем, что в большинстве постановлений суда, а также в протоколах судебных заседаний достаточно лаконично описывается содержание деятельности в них адвокатов. В основном указывается отношение к поданному представлению, высказанные в ходе судебного разбирательства возражения, заявленные ходатайства.

Для нас представляется очевидным, что в уголовно-исполнительном судопроизводстве, равно как в производстве по уголовному делу, адвокат должен являться участником, деятельность которого в наибольшей степени обеспечивает выполнение задач, стоящих перед профессиональным защитником в уголовном процессе. Бесспорно, адвокат должен быть самостоятельным и независимым участником судопроизводства, занимающим активную позицию при любом правовом положении своего доверителя (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, осужденный, реализующий право обжаловать судебное решение по уголовному делу в апелляционном, кассационном, надзорном порядке). Иное не отвечает требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»², Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, государство обязано создавать правовые условия и обеспечивать независимость адвокатской деятельности. В исследуемом производстве независимость адвоката проявляется в запрете для других (представителей учреждений и органов, исполняющих наказания, прокуратуры и других органов государственной власти) вмешиваться в его профессиональную деятельность, а в необходимых случаях — в обязанности оказывать содействие в собирании сведений для обоснования своей пози-

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции по делу. Нельзя не сказать о том, что в качестве фундамента здесь выступают нормы Конституции РФ и положения Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Однако конституционные установления, обладая высшей юридической силой и прямым действием, носят декларативный характер, требуют детализации на уровне кодифицированных процессуальных актов. Даже вместе с базовым законом, определяющим основы профессиональной деятельности, без соответствующих детальных и рабочих механизмов они превращаются в хрупкую правовую конструкцию, которая нуждается в усилении уголовно-процессуальными нормами.

Возможные правовые последствия рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, вполне соизмеримы с последствиями уголовного преследования и признания обвиняемого виновным в совершении преступления. Понижение гарантий защиты прав лица, в отношении которого решается вопрос о каком-либо применении государственного принуждения (уголовно-правового воздействия), недопустимо. Поэтому очевидна необходимость законодательного установления гарантий обеспечения права осужденного на защиту — случаев обязательного участия адвоката (защитника). В основу должно быть положено правило: участие адвоката осужденного обязательно во всех случаях, когда осужденный не отказался от него. Помимо этого участие адвоката должно быть обязательным в случае внесения в суд представления об ухудшении правового положения осужденного посредством усиления мер уголовно-правового воздействия (пп. 2, 2¹, 3, 4¹, 7, 8, 10, 17, 17¹, 17², 20, 21 ст. 397 УПК РФ).

Не должно вызывать сомнений, что в рассмотрении любого вопроса, связанного с исполнением приговора в отношении несовершеннолетнего осужденного, лица, имеющего какие-либо физические и психические особенности (недостатки), препятствующие самостоятельному осуществлению защиты своих прав, свобод и законных интересов, независимо от его направленности (улучшения или ухудшения правового положения), обязательно должен участвовать адвокат.

Полагаем, что участие адвоката осужденного должно быть обязательным, если ходатайство осуж-

денного не поддержано учреждением или органом, исполняющим наказание. Например, администрация исправительного учреждения возражает против предоставления осужденному условно-досрочного освобождения, перевода в исправительное учреждение с более мягким режимом, замены неотбытой части наказания более мягким видом.

Участие адвоката осужденного, на наш взгляд, также должно быть обязательно в случае:

- 1) применения к осужденному меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ;
- 2) назначения судебно-психиатрической экспертизы (п. 4² ст. 397 УПК РФ);
- 3) назначения, продления, изменения или прекращения применения принудительных мер медицинского характера.

На необходимость законодательного закрепления случаев обязательного участия адвоката в производстве по делам об исполнении приговора обращалось внимание еще в советской уголовно-процессуальной науке. Особо ценной представляется позиция В. В. Николюка. Рассматривая актуальные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии исполнения приговора, к числу вопросов, требующих доктринального и официального разъяснения, нормативного регулирования, В. В. Николюк относит вопрос об обязательном участии адвоката в судебном заседании по рассмотрению и разрешению вопроса о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) [3, с. 151–152].

Изложенное свидетельствует о том, что одним из ключевых направлений совершенствования законодательства в сфере исполнения приговоров является конкретизация процессуального положения адвоката-защитника осужденного, в том числе закрепление случаев его обязательного участия.

Надлежащее правовое регулирование полномочий адвоката осужденного в уголовно-исполнительном судопроизводстве, на наш взгляд, существенно повысит эффективность его деятельности по обеспечению прав и законных интересов доверителя.

Список литературы

1. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022.
2. Пупышева Л. А. Деятельность адвоката в стадии исполнения приговора. Новокузнецк, 2017.
3. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография. Орел, 2015.

Об алгоритме действий уполномоченных лиц в ситуациях обоснованного подозрения несовершеннолетнего в употреблении наркотиков

Рассматриваются вопросы совершенствования мер профилактики, направленных на противодействие наркотизации несовершеннолетних. Наркомания сегодня не только угрожает здоровью населения страны, но и подрывает основы национальной безопасности государства, так как бьет в самое уязвимое место возрастной шкалы населения. Это в первую очередь подростки и молодежь, которые через 20–30 лет будут ответственны за Российское государство.

Ключевые слова: профилактика, безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних, обоснованное подозрение, употребление наркотических средств и психотропных веществ, алгоритм профилактических действий

Поиск новых правовых и организационных форм противодействия наркотизации несовершеннолетних остается актуальной научной задачей [1; 2]. При ее решении должен быть обеспечен баланс между интересами общества и правами несовершеннолетних и их родителей. Наиболее предпочтительным и эффективным направлением осуществления государственной функции предупреждения правонарушений является их профилактика. Первостепенное значение она приобретает, когда речь идет о несовершеннолетних, которые нуждаются в особой государственной заботе, в том числе и с точки зрения неукоснительного соблюдения их прав и законных интересов. Именно поэтому Уполномоченным по правам человека Омской области было обращено внимание на содержащийся в Приложении к постановлению комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Омской области № 1/10-2022 от 10 октября 2022 г. Алгоритм профилактических действий руководителей и специалистов учреждений в ситуациях обоснованного подозрения несовершеннолетнего в употреблении наркотиков (далее — Алгоритм). В данном документе, регламентирующем деятельность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по мнению Уполномоченного, усматриваются признаки действий, которые могут привести к нарушениям прав и свобод человека и гражданина в связи с юридической неопределенностью содержащихся в нем понятий. В частности, сомнение вызвало понятие «обоснованное подозрение в употреблении наркотических средств и психотропных веществ» как повод для последующего проведения профилактических мероприятий с точки зрения как презумпции добросовестности родителя, так и презумпции невиновности самого несовершеннолетнего. Кроме того,

вызвало вопрос использование в Алгоритме понятия «раннее употребление наркотических средств и психотропных веществ».

В соответствии со ст. 67.1 Конституции РФ «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»¹. Но в вопросе заботы о несовершеннолетних важно не перейти черту, за которой повышенные гарантии защищенности и реализации ими своих прав создадут предпосылки для вседозволенности, физического и морального разложения. Методологическое значение для понимания необходимости и обоснованности активной профилактики наркотизации несовершеннолетних имеет суждение Т. Я. Хабриевой, высказанное применительно к пандемии: «„чрезвычайное право“, понимаемое как ограничение основных прав человека и гражданина, в то же время есть их развитие. Так, обосновывая возможность и необходимость введения антипандемийных мер, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) руководствуется принципом ответственности „за жизнь нации“, предполагающим, что безопасность всех — это условие безопасности каждого» [3, с. 6]. Значит, профилактика наркомании осуществляется как в интересах конкретных подростков и их родителей, так и в интересах всего общества.

В современном мире дети в силу своего недостаточного для самостоятельной жизни уровня физического, умственного, психического развития и жизненного опыта нуждаются в особом внимании и заботе государства и общества. Учитывая это, в России с 2018 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 реализует-

¹ Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года») : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся программа «Десятилетие детства», направленная на совершенствование государственной политики в области защиты детей². Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р утвержден план мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года³.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет круг субъектов профилактической деятельности, к ним относятся органы, осуществляющие управление в сфере образования (ч. 1 ст. 4), лица, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа (в их числе указаны несовершеннолетние, употребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача) (п. 4 ч. 1 ст. 5), а также основания проведения индивидуальной профилактической работы (таковым, в частности, является заключение, утвержденное руководителем органа или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по результатам проведенной проверки жалоб, заявлений или других сообщений) (п. 5 ч. 1 ст. 6)⁴.

Важно отметить, что ст. 1 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет индивидуальную профилактическую работу как «деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних... находящихся в социально опасном положении... предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий». Таким образом, профилактикой является само по себе выявление подростков, находящихся в состоянии наркотического опьянения или употребляющих наркотические средства. Поэтому фактическим основанием проведения сотрудниками образовательных учреждений рекомендуемых Алгоритмом профилактических действий служит наличие у несовершеннолетнего внешних и поведенческих признаков употребления наркотиков.

Понятие «обоснованное подозрение» отсутствует в действующем законодательстве. Пробел в понимании данного термина должен восполняться правовыми позициями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и правоприменительной практикой. Например, в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 указано, что «избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения

в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.)»⁵.

Обычно под подозрением понимаются «предположение, что кто-нибудь совершил что-нибудь плохое» [4, с. 137], «предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков» [5, с. 539]. В рассматриваемом в Алгоритме случае «подозрение» — это предположение, основанное на имеющихся в распоряжении руководителей и специалистов учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних сведениях, указывающих на возможную причастность несовершеннолетнего к употреблению наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных или одурманивающих веществ. «Обоснованное подозрение» предполагает наличие фактов или информации, которые убеждают руководителя и специалиста, что соответствующее несовершеннолетнее лицо употребило вышеназванные средства или вещества.

Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)»⁶ описывает признаки опьянения:

1) изменение психической деятельности:

— неадекватность поведения, в том числе сопровождающаяся нарушением общественных норм, демонстративными реакциями, попытками диссимуляции;

— заторможенность, сонливость или возбуждение;

— эмоциональная неустойчивость;

— ускорение или замедление темпа мышления;

2) изменение вегетативно-сосудистых реакций:

— гиперемия или бледность, мраморность кожных покровов, акроцианоз;

— инъектированность склер, гиперемия или бледность видимых слизистых;

— сухость кожных покровов, слизистых или гипергидроз;

— учащение или замедление дыхания;

— тахикардия или брадикардия;

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240.

³ Об утверждении Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года : распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р.

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ.

⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

⁶ О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н.

- сужение или расширение зрачков;
- вялая реакция зрачков на свет;
- 3) нарушения двигательной сферы:
 - двигательное возбуждение или заторможенность;
 - пошатывание при ходьбе с быстрыми поворотами;
 - неустойчивость в позе Ромберга;
 - ошибки при выполнении координаторных проб;
 - тремор век и (или) языка, рук;
 - нарушения речи в виде дизартрии.

Сформировавшееся в сознании педагога «обоснованное подозрение в употреблении наркотических средств или психотропных веществ» обучающимся, последующее сообщение об этом родителям и проведение беседы при условии неразглашения указанных обстоятельств не может нарушить презумпцию добросовестности родителя и презумпцию невиновности гражданина. Само по себе выяснение причин «подозрительного» состояния ребенка не отрицает закрепленной в п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации предполагаемой добросовестности родителей как участников гражданских отношений, разумности их действий. Осуществление педагогом профилактических мероприятий не направлено на ограничение прав родителей или привлечение их к какому-либо виду ответственности. Задача состоит в оказании своевременной помощи, предупреждении заболевания.

Таким образом, рекомендованные Алгоритмом профилактические действия педагога, «заподозрившего» обучающегося в употреблении наркотиков, не являются нарушением его презумпции невиновности. Последняя предполагает признание лица невиновным в совершении правонарушения, пока его виновность не доказана в установленном законом порядке (ст. 49 Конституции РФ). Важно отметить, что в отношении ребенка не осуществляется обвинительная деятельность, связанная с применением к нему мер принуждения, его не обязывают «опровергнуть факт употребления наркотических средств». Корректная профилактическая беседа, в том числе с участием медицинского работника, выяснение причин такого «подозрительного» состояния имеют целью оказание психологической поддержки и медицинской помощи. Кроме того, возможна ситуация, когда подобное состояние несовершеннолетнего вызвано употреблением лекарственных средств по назначению врача, особенностями возрастного развития, физического и психического состояния.

Понятие «раннее употребление наркотических и психотропных веществ» является законодательным. В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», органы, осуществляющие управление в сфере образования «обеспечивают проведение мероприятий по раннему

выявлению незаконного потребления наркотических средств (курсив наш. — В. Б., А. К.) и психотропных веществ обучающимися в общеобразовательных организациях...». Возложение обязанности по осуществлению соответствующей деятельности на общеобразовательные организации обусловлено возрастом обучающихся и их непосредственным общением с педагогами.

Вопрос медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения рассматривается на основе принципов Всеобщей декларации прав человека 1948 года, согласно которой «каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Европейская конвенция о защите прав человека 1950 года гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, за исключением вмешательств «в интересах национальной безопасности, общественной безопасности или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

В Российской Федерации медицинское освидетельствование учащихся в целях раннего выявления немедицинского потребления наркотиков проводится с 2014 г. при наличии информированного согласия в письменной форме обучающихся, достигших возраста пятнадцати лет, либо одного из родителей или иного законного представителя обучающихся, не достигших возраста пятнадцати лет (ст. 53.4 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Отказ от прохождения освидетельствования не несет негативных юридических последствий.

Раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ выступает одной из форм профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, которая включает:

- социально-психологическое тестирование обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования;
- профилактические медицинские осмотры обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования.

Алгоритм ориентирует педагогов на взвешиваемую, тактичную, осуществляемую в условиях неразглашения информации работу по профилактике наркомании, т. е. своевременному выявлению несовершеннолетних, потребляющих наркотиче-

ские и психотропные вещества, а также предотвращению возможного вовлечения в такие действия сверстников.

Регулирование Алгоритмом отношений между сотрудниками образовательных организаций, обучающимися и их родителями не противоречит действующему законодательству, а также создает предпосылки для эффективного взаимодействия с правоохранительными органами в сфере профилактики наркомании. Документ учитывает нерепрессивный и не предполагающий государственного принуждения характер деятельности образовательных организаций. Осуществленная в Алгоритме детализация предписанных Федеральным законом

«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» действий педагогических работников по выявлению и предупреждению наркомании (п. 7 ч. 1 ст. 14) основывается на принципах «законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации...» (ч. 2 ст. 2).

Таким образом, рассмотренный Алгоритм соответствует действующему законодательству, может повысить эффективность межведомственного взаимодействия по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Список литературы

1. Гущина Т. В., Чернецова М. В. Понятие наркотизма: проблемы правового и лингвистического толкования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3.
2. Дизер О. А., Куянова А. В. Об эффективности существующих мер профилактики административных правонарушений и преступлений, связанных с наркоманией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 1.
3. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1.
4. Краткий толковый словарь русского языка / сост. И. Л. Городецкая, Т. Н. Поповцева, М. Н. Судоплатова, Т. А. Фоменко ; под ред. В. В. Розановой. М., 1985.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

УДК 343.1

В. В. КАЛЬНИЦКИЙ

Сущность задержания подозреваемого сквозь призму разъяснений Верховного Суда Российской Федерации об уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание

Обращение к проблеме истолкования существа меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого связано с опубликованием официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по ч. 1 ст. 301 УК РФ, которые несут отпечаток несовершенства уголовно-процессуального законодательства в части регламентации задержания и разночтений в доктринальном освещении. Особое внимание уделено вопросам, касающимся определения заведомо незаконного задержания, его условий и оснований, а также субъектов уголовной ответственности.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, уголовная ответственность, заведомо незаконное задержание, мера принуждения

Сущность уголовно-процессуального задержания (глава 12 «Задержание подозреваемого» УПК РФ) является одним из самых сложных для понимания и толкования вопросов. Юристы по-разному трактуют содержание данной меры принуждения. Одни связывают ее с захватом и физическим ограничением свободы передвижения лица [1; 2, с. 524; 3, с. 120], другие — исключительно с принятием решения о водворении его в изолятор временного содержания (далее — ИВС) [4, с. 5; 5, с. 113; 6, с. 10]. Первую ситуацию условно назовем «полицейским» задержанием, вторую — «следственным». Отличительными признаками «полицейского» задержания выступают: широкий круг исполнителей (все сотрудники правоохранительных органов, даже любые граждане), полная свобода от уголовно-процессуальных отношений (происходит независимо от того, зарегистрировано ли сообщение о преступлении, возбуждено уголовное дело или нет), состоит в продолжаемых физических действиях, направленных на удержание задержанного или его доставку в правоохранительный орган. «Следственное» задержание — это решение о кратковременном (на срок не более 48 ч) аресте лица с содержанием в ИВС¹. Такой арест, осуществляемый без санкции суда и именуемый задержанием, допускается ст. 22 Конституции РФ. «Следственное» задержание предшествует обращению в суд с ходатайством об избрании в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу. Задержание носит подчиненный характер по отношению к заключению под стражу, т. е. выступает своеобразным первым шагом к судебному аресту. 48-часовое внесудебное содержание лица в ИВС необходимо для того, чтобы обеспечить требуемое законом непосредственное участие лица в судебном заседании, а также собирание доказательств причастности лица к преступлению и иных сведений, и техническую (изготовление копий, дубликатов) подготовку их к направлению в суд. Поскольку мера пресечения избирается исключительно в рамках

уголовного дела, задержание имеет место после его возбуждения. Иными словами, «следственное» задержание — это не действие, а решение, которое в силу традиции оформляется протоколом, хотя сущности понимаемого таким образом задержания вполне соответствовало бы вынесение постановления.

Причина неоднозначного толкования задержания кроется как в истории данной меры (она возникла как способ полицейского «уличного» реагирования на факты противоправного поведения), так и в современных тенденциях максимально полной защиты прав граждан (всякое ограничение права на свободу передвижения должно фиксироваться и засчитываться в срок сначала задержания, затем заключения под стражу и назначенного наказания). Как следствие, действующий УПК РФ весьма противоречив. В качестве оснований для задержания названы фактически те же ситуации, что были в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 257). Однако тогда они служили основаниями для пресечения способов уклонения подозреваемого от следствия, другими словами, — для доставления лица к следователю, сегодня же они поданы как основания следственного задержания, хотя таковыми могут быть только доказательства (материалы уголовного дела), указывающие на совершение лицом преступления и необходимость содержания его под стражей. Позитивная по своей сути идея максимально полно учесть время, когда преследуемое лицо ограничено в личной свободе, и обеспечить ему право на квалифицированную юридическую помощь, реализована за счет института задержания, что исказило существо данной меры принуждения. Законодатель ввел понятие «момент фактического задержания» (п. 15 ст. 5 УПК РФ), по смыслу которого, это момент «уличного» захвата лица. Правда, невыверенность и даже противоречивость формулировки данного разъяснения (сказано, что это момент фактического лишения свободы передвижения лица, *производимого в порядке, установленном Кодексом*)

¹ Нюанс, связанный с помещением лица в места содержания задержанных, оттеняется в большинстве дефиниций задержания подозреваемого [см., напр: 7, с. 15; 8, с. 47].

позволяет юристам утверждать, что таким моментом выступает составление протокола задержания [7, с. 57], т. е. момент следственного задержания, что вынужденно дезавуирует изначальный смысл нормативного положения.

Проблема неединообразной трактовки сущности задержания подозреваемого (по главе 12 УПК РФ) стала настолько острой, что на нее обратил внимание Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, организовавший 30 июня 2022 г. проведение круглого стола «Совершенствование законодательного регулирования института задержания в уголовно-процессуальном и административном законодательстве». Лейтмотивом обсуждения был поиск существа взаимосвязанных и в реальности часто неразрывных действий по захвату и препровождению предполагаемого правонарушителя в полицию, его удержанию до решения вопроса о наличии в содеянном признаков преступления, при необходимости — принятию решения о возбуждении уголовного дела и обеспечению избрания в отношении доставленного меры пресечения в виде заключения под стражу. Суждения выступающих были различными, что вполне естественно при современном эклектичном институте уголовно-процессуального задержания подозреваемого, а также в условиях использования термина «задержание» в различных отраслях права и в различных же смыслах. Отраднo, что прозвучала, на наш взгляд, единственно правильная позиция о необходимости решительного размежевания административного (полицейского) и уголовно-процессуального задержания.

В условиях недостаточной определенности понятия «задержание подозреваемого» весьма значимым стало постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» от 28 июня 2022 г. № 20, в котором интерпретируется ч. 1 ст. 301 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за заведомо незаконное задержание. Одно дело — теоретическая конструкция задержания и даже его уголовно-процессуальное использование, другое — уголовная ответственность за применение. В уголовном праве нужно предельно четко представлять диспозицию нормы, объективная сторона преступления должна быть максимально определенной: ответственность наступает за заведомо незаконный захват лица с улицы и препровождение его в правоохранительный орган («полицейское» задержание) или за применение уголовно-процессуальной меры в виде кратковременного ареста с содержанием в ИВС («следственное» задержание). Соответственно, нужна конкретность в трактовке субъекта преступления, момента его окончания и других элементов состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Анализ пп. 2–6 названного постановления Пленума показывает, что под заведомо незаконным задержанием как преступным действием совершенно обоснованно подразумевается противоправное водворение лица в ИВС (по крайней мере, принятие такого решения и осуществление физических действий по его реализации), т. е. «следственное» задержание. Вместе с тем сформулированные разъяснения, на наш взгляд, не свободны от смешения двух обозначенных подходов к пониманию задержания, что делает их в этой части не совсем последовательными. Данное обстоятельство вызывает сожаление, поскольку через однозначно понимаемую материально-правовую характеристику заведомо незаконного задержания можно было выйти на процессуальную сущность задержания и отграничить ее от всех иных возможных полицейских действий, именуемых в законодательстве и подзаконных актах тем же термином — «задержание». Обратим внимание на некоторые, по нашему мнению, противоречия в разъяснениях.

О субъекте уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание. Наш интерес к субъекту ответственности объясняется очень простой логикой: несет ответственность тот, кто уполномочен осуществить задержание; отталкиваясь от круга лиц, компетентных произвести задержание, приходим к пониманию того, о каком виде задержания идет речь, поскольку, как выяснили, «полицейское» задержание производится неограниченным кругом лиц, «следственное» задержание — удел должностного лица, производящего расследование по конкретному уголовному делу. Согласно постановлению «под заведомо незаконным задержанием ... следует понимать совершение дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа или по их поручению иным должностным лицом (курсив мой. — В. К.) умышленных действий, направленных на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого...» (п. 2). Все перечисленные должностные лица наделены уголовно-процессуальными полномочиями, т. е. субъект преступления — специальный². Для начальника подразделения дознания, следователя и руководителя следственного органа процессуальная деятельность выступает основной и единственной функцией; то же самое относится к дознавателю как должностному лицу — штатному сотруднику подразделения дознания. Иные должностные лица органа дознания (например, сотрудники оперативных подразделений) становятся субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, в случае, если им поручено производство дознания (занимают процессуальное положение дознавателя), в ходе которого ими принято решение о заведомо незаконном водворении подозреваемого в ИВС. Упоминание в перечне должност-

² Признак специального субъекта уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание выделялся задолго до выхода анализируемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ [см., напр.: 9, с. 112].

ных лиц начальника органа дознания означает, что руководители правоохранительного органа выступают субъектами ответственности по рассматриваемой статье, если выполняют процессуальную функцию, а не административную, оперативно-розыскную, управленческую или иную другую. Таким образом, исходя из проанализированного круга субъектов ответственности по ч. 1 ст. 301 УК РФ, в качестве которых выступают лица, выполняющие процессуальную функцию, можно заключить, что под заведомо незаконным задержанием подразумевается «следственное» задержание. Об этом же косвенно свидетельствует выражение «применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого», поскольку и «меры процессуального принуждения» и «задержание подозреваемого» — это уголовно-процессуальная терминология.

Что касается такого субъекта уголовной ответственности, как «иное должностное лицо», действующее по поручению следователя, дознавателя и т. д., то здесь возникает неопределенность, требующая дополнительной интерпретации. Коль скоро объективная сторона преступления состоит в принятии заведомо незаконного решения о кратковременном аресте лица (помещении в ИВС), которое всегда индивидуально, то «поручить» принятие такого решения какому-то другому лицу нельзя. В этом смысле разъяснение, на наш взгляд, беспредметно. Оно страдает неконкретностью даже с редакционных позиций. Сказано: совершение «по их поручению иным должностным лицом умышленных действий, направленных на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого». «Следственное» задержание — это решение. Поэтому никаких действий, образующих заведомо незаконное задержание нет и быть не может. Если иметь в виду, что преступление считается оконченным с момента совершения действий по исполнению принятого решения (вызов конвоя, передача задержанного в дежурную часть), то они осуществляются лицом, принявшим решение. Если же их выполняет иное лицо, то такая организационная деятельность не образует состава преступления.

Закон предусматривает право следователя давать органу дознания поручение об исполнении постановления о задержании (п. 4 ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Но это совсем другая ситуация: если заведомо незаконное решение о задержании принято следователем, то его исполнение в части фактического доставления подозреваемого имеет технический характер, поскольку не связано с оценкой его законности и обоснованности. Упоминание «иных должностных лиц», действующих по поручению следователя или дознавателя в качестве субъектов уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание, было бы конструктивным в случае понимания под задержанием также полицейского захвата подозреваемого, но постановление Пленума исходит из процессуальной сущности задержания. Вряд ли «иное должностное лицо» может рас-

сматриваться как соучастник данного преступления, поскольку здесь невозможно разделение ролей по принципу: «один принимает решение, второй — исполняет». Объективная сторона заведомо незаконного «следственного» задержания заключается в принятии противоправного решения. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ, в соучастии могут совершить только специальные субъекты.

Суждение о том, что в постановлении Пленума имеется в виду «следственное» задержание, подтверждается разъяснением, что состав рассматриваемого преступления образует также «бездействие, выражающееся в умышленном непринятии *уполномоченным должностным лицом* (курсив мой. — В. К.) установленных законных мер к освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления» (п. 2). В единстве данного положения с п. 4 постановления легко усматривается, что уголовно наказуемое бездействие допускает то должностное лицо, которое обязано и правомочно либо принять уголовно-процессуальное решение об освобождении задержанного из ИВС (следователь, дознаватель и т. д.), либо обязано сделать это в служебном порядке (начальник места содержания подозреваемого), либо в рамках прокурорского надзора. Иными словами, речь идет о не прекращении незаконного «следственного», а не «полицейского» задержания, поскольку помещение в ИВС является элементом процессуального решения о задержании подозреваемого.

Об условиях и основаниях заведомо незаконного задержания. Вывод о том, что Пленум Верховного Суда РФ под задержанием в порядке ст. 92 УПК РФ имеет в виду «следственное» задержание, подтверждается следующими разъяснениями. Как заведомо незаконное задержание должны квалифицироваться умышленные действия, совершаемые в целях незаконного применения к лицу данной меры процессуального принуждения «при отсутствии вынесенного органом дознания, дознавателем, следователем или руководителем следственного органа в соответствии с требованиями статьи 146 УПК РФ постановления о возбуждении уголовного дела». Представляется, что требование наличия акта возбуждения уголовного дела весьма красноречиво выводит полицейские физические действия по ограничению свободы лица за рамки диспозиции ч. 1 ст. 301 УК РФ, а значит, за пределы сущности задержания подозреваемого. Такое же суждение вытекает из фрагмента разъяснений, увязывающего незаконность задержания с его применением за преступление, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, поскольку при «полицейском» задержании квалификация преступления не дается и санкция за него не конкретизирована.

Вместе с тем настораживает и, прямо скажем, не принимается нами разъяснение в части отнесения к заведомо незаконному задержанию случаев «при отсутствии данных о том, что задержанное лицо было застигнуто при совершении преступления или непо-

средственно после его совершения, либо о том, что потерпевшие или очевидцы указали на него как совершившего преступление, либо о том, что на этом лице, его одежде, при нем или в его жилище были обнаружены явные следы преступления». Во-первых, такое разъяснение отличается формальной неполнотой. Основания задержания подозреваемого изложены не только в ч. 1 (они перечислены), но и в ч. 2 ст. 91 УПК РФ. В части 2 говорится об *иных данных*, в качестве которых принято рассматривать все прочие сведения, указывающие на причастность лица к преступлению, если они (в силу их недостаточной убедительности) подкрепляются одним из обозначенных в этой же норме условий: лицо пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства, и др. Во-вторых, (и это, пожалуй, самое главное) оценка обоснованности уголовно-процессуального решения о применении задержания подчиняется совсем другой логике, чем сопоставление с названными в законе жизненными случаями, которые могут привести к задержанию. Для принятия любого уголовно-процессуального решения следователь (дознатель) должен располагать совокупностью доказательств (или, возможно, совокупностью доказательств в сочетании со сведениями, пока еще не оформленными по правилам уголовно-процессуального доказывания, но не вызывающими сомнения), которая формирует убежденность в необходимости такого решения. Иными словами, следователь смотрит на обстоятельства дела через доказательства. Лицо застигнуто «на улице», а следователь находится в кабинете, он никого не застигал, а лишь исследует данный факт посредством показаний, документов, материалов осмотров, обысков, экспертиз и других следственных действий. Конечно, универсальность ситуаций, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ, такова, что в большинстве случаев следователь посредством анализа доказательств видит именно такую «картину»: лицо застигнуто, на него указали, при нем или на нем явные следы преступления. Однако нередко случается, что собранная совокупность доказательств с достоверностью указывает на совершение лицом преступления, но тех жизненных случаев, которыми оперирует закон, просто нет. Например, в ходе производства по делу установлен и расследуется факт должностного преступления, совершенного несколько лет назад. Если следователь располагает доказательствами виновности лица и с учетом всех обстоятельств полагает необходимым избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, он вправе принять решение о задержании данного лица с помещением в ИВС. Поэтому содержащиеся в постановлении Пленума разъяснения, связанные с требованием сопоставления факта задержания с перечисленными ситуациями, неоправданно расширяют объективную сторону деяния и способны привести к ошибочным актам правосудия в отношении следователей. Еще раз повторим, что описанные в законе так называемые основания задержания (ч. 1 и три пер-

вых условия ч. 2 ст. 91 УПК РФ) исторически возникли как основания для полицейского реагирования на происшествия, позволяющие доставить гражданина в участок. Действующее уголовно-процессуальное законодательство сохраняет следы «полицейского» задержания, что, на наш взгляд, привело к анализируемым противоречивым разъяснениям. Полагаем, что задержание будет законным и обоснованным, а значит, не содержащим признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, если собрана достаточная совокупность доказательств для возбуждения перед судом ходатайства о заключении лица под стражу и в обеспечение судебного рассмотрения такого ходатайства к лицу применено задержание. Такой вывод косвенно подтверждается тем, что в ч. 2 ст. 91 УПК РФ появилось новое условие, подкрепляющее «иные данные» как основание для задержания в виде наличия ходатайства перед судом о заключении лица под стражу. Понятно, что фактически это не условие (не «довесок» к иным данным), а самостоятельное основание для «следственного» задержания.

Решительное размежевание «полицейского» и «следственного» задержания потребует разрешить вопрос об учете времени фактического ограничения свободы передвижения гражданина и его удержания в правоохранительном органе в связи с принудительным доставлением. Такой учет необходим при зачете этого времени в назначенное наказание, а также при постановке лицом вопроса о компенсации за незаконное ограничение свободы. По нашему мнению, принципиальная ошибка действующего регулирования в том, что время ограничения свободы передвижения лица (его именуют временем фактического задержания) включают сначала в 48-часовой срок задержания, через него — в срок заключения под стражу и в срок наказания в виде лишения свободы. Такой «принцип матрешки» порочен тем, что предполагает вычет времени фактического ограничения свободы лица из весьма ограниченного срока «следственного» задержания. Это обстоятельство вынуждает правоприменителей игнорировать момент фактического ограничения свободы лица, считать таковым момент доставления в правоохранительный орган или даже момент составления протокола задержания. Позиции, обосновывающие такой подход, как отмечалось, высказаны и в научной литературе. На наш взгляд, проблема учета времени фактического ограничения свободы передвижения преследуемого лица должна решаться не техническими зачетами сроков, а путем процессуального доказывания. Время фактического ограничения свободы должно стать самостоятельным обстоятельством, подлежащим доказыванию, изложенным отдельным пунктом в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а результат следует отражать в обвинительном заключении (акте, постановлении). Доказывание данного обстоятельства, во-первых, гарантирует включение срока фактического ограничения свободы в назначенное наказание либо

компенсацию морального вреда за необоснованное ограничение свободы передвижения, во-вторых, делает конституционный 48-часовой срок «следственного» задержания полноценным периодом достижения тех целей, которые вызвали применение данной меры процессуального принуждения.

Представляется также, что без увязки с мерой процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого («следственного» задержания) вполне может быть разрешен вопрос о квалифицированной юридической помощи каждому лицу, ограниченному в свободе передвижения. Такая помощь имеет самостоятельную конституционную природу, не обуслов-

лена наличием формально выдвинутого уголовного обвинения и поэтому может быть реализована в виде права на нее в период допроцессуального «полицейского» задержания.

Два указанных выше заметных события в правовой сфере (заседание круглого стола Комитета Совета Федерации и принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ), произошедших с интервалом в два дня, на наш взгляд, должны послужить катализатором дополнительного внимания к мере процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого, которое, хотелось бы надеяться, приведет к конкретным нормативным изменениям.

Список литературы

1. *Белкин А. Р.* Задержание по подозрению в совершении преступления: спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016.
3. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : авторский курс : учебное пособие. М., 2022.
4. *Гуткин И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М., 1980.
5. *Давлетов А. А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. Екатеринбург, 2016.
6. *Очередин В. Т.* Меры процессуального принуждения в уголовном производстве. Волгоград, 2004.
7. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
8. *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого органами внутренних дел : учеб. пособие. Ташкент, 1989.
9. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу : учебник. М., 2022.
10. *Бабурин В. В., Сурихин П. Л.* Незаконное задержание: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Красноярск, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борков Виктор Николаевич — начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Гоман Ольга Сергеевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Грибунов Олег Павлович — директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Гусев Владимир Александрович — заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор

Десятов Михаил Сергеевич — первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе), доктор юридических наук, доцент

Диваев Александр Борисович — декан юридического факультета Кузбасского института ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент

Дикарев Илья Степанович — директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Карпов Кирилл Николаевич — докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Крылов Артем Александрович — адвокат адвокатского бюро «Крылов и партнеры», управляющий партнер

Кузнецов Александр Александрович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Куянова Арина Викторовна — начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Мазунин Павел Яковлевич — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Мазунин Яков Маркиянович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Мандарханова Людмила Михайловна — адъюнкт кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Мерлаков Данил Сергеевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Николюк Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник НИЦ № 5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания) Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Пупышева Любовь Андреевна — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Романовский Михаил Эдуардович — адвокат Омской областной коллегии адвокатов, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук, доцент

Сургутсков Вадим Игоревич — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Gusev V. A. From the Editor-in-Chief

Administrative Law and Administrative Procedure

Goman O. S., Surgutskov V. I. **Features of Legal Corpus of Administrative Offence provided for by Article 20.10 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and Police Officers' Actions to Suppress and Document it**

The article investigates legal grounds for bringing to administrative justice for illegal civil weapon trafficking. Based on law enforcement practice, the recommendations determining the procedure of police officers' actions to suppress and document administrative offences provided for by Article 20.10 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are made.

Keywords: civil weapon, National Guard, administrative liability, proceedings on administrative offences, illegal arms trafficking.

Criminal Law

Karpov K. N. **Terms for Enforcing a Fine as the Means to Achieve the Goals of Punishment**

A special status of criminal punishment in the form of a fine, which involves payment of the sum of the fine by the convict himself, determines a special procedure for the terms of enforcing this kind of punishment. The analysis of norms of criminal and criminal executive legislation reveals lack of the established mechanism of enforcing punishment in the form of a fine in cases of coercive enforcement or a person's evasion of its performance. In combination with provisions of Article 83 of the Criminal Code of the Russian Federation such a procedure may lead to the termination of coercive enforcement of a fine and exemption from punishment of persons who did not actually enforce the punishment.

Keywords: terms for enforcing the sentence, fine, limitation period, exemption from punishment, executive proceedings.

Criminal Proceedings

Divaev A. B., Romanovsky M. E. **Some Issues of Courts' Establishing the Subject of Proof in Criminal Cases provided for by Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation**

On the basis of materials of judicial practice of the courts of Omsk, cassation courts of general jurisdiction and the Supreme Court of the Russian Federation, the problems of establishing the circle of circumstances to be proved in cases of taking a bribe are considered. The analysis of sentences on certain criminal cases is provided, judgments of higher courts have been studied, and recommendations on improvement of law enforcement practice proposed.

Keywords: bribery, taking a bribe, the subject of proving, to be subject to proving.

Dikarev I. S. **Drawing up a Sentence in a Criminal Case: Problems of Legislative Regulation**

The article makes an estimate of the current legal regulation of the procedure for drawing up and announcing the sentence by the court of the first instance and proposed legislative initiatives aimed at the optimization of these procedures. The author substantiates the necessity of and reasonability for legal consolidation of the rule on drawing up and announcing only the title of the sentence and judicial disposition in the conference room with the possible producing of the full text of the verdict after the end of the trial.

Keywords: court, trial, sentence, passing the sentence, announcing a sentence, publicity.

Criminalistics

Gribunov O. P., Mandarkhanova L. M. **The Evidentiary Value of Forensic Examinations in Cases of Road Traffic Offenses under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation**

The types of forensic examinations arranged and carried out during the verification of reports of road traffic crimes, as well as in the process of their investigation, are considered. The authors make the conclusion that in law enforcement practice mandatory examination for some types of forensic assessments in criminal proceedings on these facts has been established. Based on the analysis of the current legislation and situations of its application, the evidentiary value of the results of forensic examinations for criminal law assessment of violations of road traffic rules, as well as for establishing the circumstances to be proved, is formulated.

Keywords: violations of road traffic rules, special knowledge, forensic examination, automotive forensic examination, forensic DNA analysis, forensic medical examination, evidence, expert's opinion.

Kuznetsov A. A., Merlakov D. S. **Investigator's Actions upon Receiving a Report on Theft Committed via Information and Telecommunication Technologies**

Under consideration are the issues devoted to the tactics of interrogating the persons involved in identification as identifiers concerning the circumstances where they saw a person or the object presented for identification as well as the

distinctive marks and salient features by which they can identify them. The authors emphasize the role of information received during the interrogation of these persons for estimating the evidentiary value of the results of identification parade.

Keywords: distance crimes, thefts committed via information and telecommunication technologies, algorithm of the investigator's actions.

Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. On Tactics of Interrogating a Person Involved in Identification as an Identifier

Some peculiarities of organizing the investigator's work related to consideration of reports on thefts committed via information and telecommunication technologies are under study. The main problems hindering effective counteraction against crime are revealed. The authors summarize practical experience and propose the algorithm of the investigator's actions necessary for verification of such reports. The focus is made on the work of the subsystem of the programme technical complex of the integrated database of collective usage on the federal level — "Distance Fraud".

Keywords: distance crimes, thefts, information and telecommunication technologies, algorithm of the investigator's actions.

Crime Detection

Desyatov M. S. Law Enforcement Discretion in Crime Detection: Approaches to the Definition of the Concept and Content

Law enforcement as a separate form of implementation of law is characterized by a range of features not typical for other forms. Among them is law enforcement discretion as the reaction of state bodies to imperfection (ambiguity) of legislation. The emphasis is made not so much on the theoretical prerequisites for the emergence and development of law enforcement discretion, but rather on its modern understanding. In this regard law enforcement discretion is viewed in the broad and narrow sense as well as in relation to crime detection activities. The article contains the author's concept of law enforcement discretion in crime detection activities.

Keywords: law enforcement, discretion, judicial discretion, crime detection, law enforcement discretion related to crime detection.

Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues related to the Enforcement of the Sentence

Nikolyuk V. V., Pupyshva L. A. Problems of Administration of Justice at the stage of Enforcing the Sentence within the Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the Convict's Right to Judicial Protection

The article studies the causes hindering the overall enforcement of generally recognized standards of fair trial in the court's consideration of issues related to enforcement of the sentence. Based on precise court decisions, the authors prove that the substitution of punishment previously imposed on the convict with deprivation of liberty, reversal of probation without the convict's participation in the trial violate his Constitutional right to judicial protection and influence the outcome of the case.

The conclusion is made as to the necessity of taking additional measures by the Supreme Court of the Russian Federation aimed at supporting justice at the stage of enforcing the sentence — formulating the positions on the substitution of punishments and reversal of probation, which are mandatory for the judges. The article substantiates the proposal on reasonability of eliminating the collision of norms of Part 4 and Part 6 of Article 190 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and Part 2 of Article 399 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: court, trial, convict, punishment, substitution of punishment, probation, reversal of probation, taking into custody, enforcement of the sentence.

Pupyshva L. A. Compensation of Damages caused by the Crime as the Circumstance to prove in Proceedings on Cases of Enforcement of the Sentence

The paper considers some aspects of performing criminal procedural activity related to the enforcement of the sentence. One of the circumstances to be proved in proceedings for the consideration and resolution of issues connected with the enforcement of the sentence is viewed as the compensation of the damages caused by the crime. The emphasis is put on changing the legislative approach to its assessment.

Keywords: enforcement of the sentence, convict, victim, compensation of damages, probation, substitution of the unserved part of the sentence.

Krylov A. A. Cases of Mandatory Participation of the Counsel for the Defence in Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues related to the Enforcement of the Sentence

The article deals with some peculiarities of providing the convict with the right to defense in consideration and resolution of issues related to the enforcement of the sentence. The author focuses on the absence of proper legal

regulation of cases of mandatory participation of the convict's counsel for the defence as one of the guarantees of implementation of this right of the person against whom the institution or body executing punishment has submitted a proposal to strengthen the measures of criminal law, proposals for improving the current legislation and the practice of its application being formulated.

Keywords: enforcement of the sentence, right to defence, convict, counsel for the defence, substitution of the punishment, reversal of probation.

Interbranch Studies

Borkov V. N., Kuyanova A. V. Algorithm of Commissioners' Actions in cases of Justifiable Suspecting a Juvenile to Use Drugs

Under consideration are the issues of improving preventive measures aimed at counteraction to drug addiction of juveniles and youth. Drug addiction today not only threatens the health of the country's population but also undermines the fundamentals of the state's national security as it tackles the most vulnerable place of the age group of the population. First of all it concerns juveniles and youth aged 15 to 25 who in 20-30 years will bear the overall responsibility for the Russian state.

Keywords: prevention of juvenile neglect and offences, justifiable suspecting use of drugs and psychotropic substances, early use of drugs and psychotropic substances, algorithm of preventive activities.

To Assist the Students in Learning Criminal Procedure

Kalnitsky V. V. The Essence of Detaining the Suspect with regard to Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation concerning Criminal Liability for Knowingly Unlawful Detention

Reference to the problem of interpretation of the essence of the measure of procedural coercion in the form of detaining the suspect is connected with the published official explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Part 1 of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are marked with the imperfection of the criminal procedural legislation in terms of regulating the detention and inconsistencies in doctrinal coverage. A special focus is made on the issues related to the definition of a knowingly unlawful detention, its conditions and grounds as well as the subjects of criminal liability.

Keywords: detention of the suspect, criminal liability, knowingly unlawful detention, coercive measure.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.
2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.
3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.
4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.
5. Опыт расследования преступлений.
6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.
7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.
2. Прилагать к рукописи:
 - список ключевых слов (не более семи речевых единиц);
 - аннотацию.Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:
 - быть перифразом заглавия статьи;
 - включать малоинформативные формулировки.Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.
3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.
4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).
5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).
6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются заместителем главного редактора Пупышевой Любовью Андреевной (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-905-921-97-22). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).